

ИЗ ПИСЕМ, АВТОБИОГРАФИЙ И ИНТЕРВЬЮ АНДРЕЕВА

Публикация А. И. Наумовой

1. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 30 июля 1899 г.

Простите, что я так нескоро отозвался на любезное предложение работать в вашем журнале, переданное мне Алексеем Максимовичем...

ЛА, вып. 5, стр. 72.

2. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 23 марта 1900 г.

Посылаю вам рассказ «На реке»¹ <...> Еще раз благодарю вас, Виктор Сергеевич, за доброе отношение ко мне и к моим литературным начинаниям. Вообще судьба не гладила меня по головке, но на этот раз она удивляет меня: с самого начала я встретил такую поддержку как в вас и Алексея Максимовича. Если я теперь собьюсь с панталыку, то уже не люди будут виноваты.

ЛА, вып. 5, стр. 74—75.

¹ Рассказ «На реке» напечатан в «Журнале для всех», 1900, № 5.

3. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

<Москва. Апрель 1900 г.>

...Рассказ о нищепанце¹ я посылаю с этой же почтой к Алексею Максимовичу, которому я его обещал, и мне почему-то кажется, что и живете вы вместе с ним и вообще я не разобщаю вас.

ЛА, вып. 5, стр. 76.

¹ «Рассказ о Сергее Петровиче».

4. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 17 августа 1900 г.

...Заезжал я между прочим в Ялту, но Алексея Максимовича не видал, он был на Кавказе¹. Недавно получил от него письмо, говорит, что мой нищепанец² — читали вы его? — будет, вероятно, напечатан в «Жизни»...

ЛА, вып. 5, стр. 76.

¹ Горький уехал из Ялты на Кавказ 28 мая; вернулся 11 июня 1900 г.

² «Рассказ о Сергее Петровиче» (см. о нем Переписка, № 5).

Алексей Максимович
 Горькому и
 Максиму Горькому,
 двум моим друзьям
 с детства
 братьям! Привет
 от нас братьев
 Москва 1901 г.
 Леонид Андреев

АНДРЕЕВ

Фотография, Москва, клиника профессора М. П. Черникова, конец января — февраль, 1901 г., с дарственной надписью Горькому (на обороте): «Алексей Максимовичу Горькому и Максиму Горькому, двум моим любимейшим от детства. Бывший псаломщик, а ныне болящий милостью только неврастеник. — Леонид Андреев. 24. II МСМГ»

Музей Горького, Москва

5. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 30 августа 1900 г.

...Ваше письмо ¹ удивило меня и заставило искать разъяснений у себя в редакции ², где мне и сообщили подробности о Ясинском и его конкурсе. Два дня тому назад я получил письмо от Алексея Максимовича, в котором он почти дословно повторяет то, что сказали мне вы, и мне было очень приятно, что это письмо застало меня уже с вполне сложившимся решением не посылать рассказа ³...

ЛА, вып. 5, стр. 77—78.

¹ Письмо Миролюбова к Андрееву неизвестно; письмо Горького к Андрееву по этому же поводу — см. Переписка, № 7.

² В редакции московской газеты «Курьер», где тогда работал Андреев.

³ Имеется в виду рассказ «Молчание», который Андреев предполагал послать на объявленный «Биржевыми ведомостями» 15 июня 1900 г. конкурс. См. подробнее Переписка, № 7 и 160.

6. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

Москва. 21 октября 1900 г.

...Чувствую себя в настоящее время хорошо (не пью) и обязан этим почти целиком вам и Алексею Максимовичу, — мне всё еще, при моем застарелом пессимизме, не верится, что оба вы — действительность, а не фикция...

ЛА, вып. 5, стр. 82.

7. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 6 апреля 1901 г.

...А. М. Пешков, у которого я справлялся по поводу издания моего сборника «Знанием», указал мне на вас как на человека, могущего дать по этому делу более точные и определенные сведения. Толком с Алексеем Максимовичем мне поговорить не пришлось, да и очень он занят был тогда петербургскими событиями ¹, и я беру на себя смелость обратиться к вам...

Автограф. АГ.

¹ Андреев имеет в виду февральско-мартовские демонстрации в Петербурге студентов, протестовавших против жестоких «Временных правил» об исключении из университетов и отдаче студентов в солдаты. См. Переписка, № 41.

8. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

Москва. 23 апреля 1901 г.

...Вы знаете, что в Нижнем 17 апреля арестованы М. Горький, Скиталец и еще 16 человек, а в Петербурге почти вся редакция «Жизни» и около сотни (так говорят) литераторов разных степеней? У Горького при обыске ничего не найдено и, судя по отношению к нему обыскивающих, ни в чем серьезном он не замешан.

«Утро», кн. 1. М.—Л., 1927, стр. 242.

Ефим Львович Бернштейн (псевдоним Янтареv; 1880—1942?)—литератор, познакомившись с произведениями Андреева, напечатанными в «Курьере», написал автору восторженное письмо, после чего между ними завязалась переписка. Бернштейн и Андреев несколько раз встречались. См. статью Бернштейна «О Леониде Андрееве»—«Утро», кн. 1, стр. 240—252. Оригиналы писем Андреева к Бернштейну находятся ныне в ИРЛИ.

Андреев еще 19 апреля сообщал А. А. Измайлову об аресте Горького: «Новость, которая наверное будет интересна для вас, как и для всего литературного мира: 17-го ночью арестованы в Нижнем М. Горький, Петров (Скиталец) и еще 16 человек» (журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 196).

9. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

⟨Москва. Вторая половина апреля 1901 г.⟩

...Первый рассказ мой появился в «Курьере» в апреле 1898 г.; по поводу этого рассказа вступил со мной в переписку М. Горький, с которым теперь у нас очень хорошие отношения.

Считаю нужным упомянуть об этом потому, что ⟨во⟩ 1-х Горький оказал на меня очень сильное влияние в смысле серьезного и строгого отношения к себе и работе и ⟨во⟩ 2-х он же сократил для меня срок обычного «испытания», введя меня сперва в «Журнал для всех», а затем в «Жизнь». Вообще это такой удивительно хороший человек — этот М. Горький, — каких я не встречал. Бесконечная доброта, благодородная идеализация человека и свободная, смелая душа...

Журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 196.

10. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Царицыно. 8 ... 12 июня 1901 г.⟩

...Живу я сейчас на даче в Царицыне и ничего не делаю. От Алексея Максимовича не имею никаких известий, и это страшно меня беспокоит. А тут еще закрытие «Жизни»¹ — вот-те и праздник, вот-те и отдых! Сидишь и долбишь, как дятел: мерзавцы...

Автограф. АГ.

¹ О закрытии журнала «Жизнь» — см. Переписка, № 3, а также воспоминания Пятницкого «Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901» — «Красная газета», веч. вып., 1928, № 26, 27 января.

11. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 28 августа 1901 г.

...Наш курьерский критик Шулятиков¹ каждый день требует от меня «рассказов». Сейчас он пишет о Горьком (прескверно), потом напишет обо мне и, считая свой труд законченным, все написанное намеревается издать отдельной книгой...

Автограф. АГ.

¹ В. М. Шулятиков (см. о нем — Переписка, № 31) в своих «Критических этюдах» часто писал о современных писателях-реалистах. См., например, статью с подзаголовком «О новейшем реализме», в которой характеризовалось творчество Горького и Андреева («Курьер», 1901, № 145, 28 мая). В специальной статье «О Максиме Горьком» Шулятиков, причисляя Фому Гордеева и Мальву к нищепанским натурам, так заканчивал свою характеристику творчества Горького и его героев: «Они дают нам право применить к таланту г. Горького то определение, которое некогда Н. Михайловский дал таланту Достоевского: талант г. Горького, прежде всего, — „жестокий талант“» («Курьер», 1901, № 222, 13 августа). Видимо, эта характеристика и возмутила Андреева, когда он утверждал, что критик «прескверно» пишет о Горьком.

Несколько недель спустя в тех же «Критических этюдах» появилась статья Шулятикова с подзаголовком «Одинокие и таинственные люди», в которой об Андрееве было сказано: «К числу беллетристов, ставящих себе задачей изображение душевных драм „обыкновенных“ одиноких людей, наряду с А. Чеховым и М. Альбовым, принадлежит и Леонид Андреев» («Курьер», 1901, № 278, 8 октября). На том этапе Шулятиков считал Андреева «свежим, ярким, сильным, многообещающим в будущем, судя по первым шагам...» талантом. Позднее Шулятиков стал относиться к творчеству Андреева отрицательно.

12. АНДРЕЕВ — Л. В. СРЕДИНУ

Москва. 3 ноября 1901 г.

...Скоро у вас в Ялте станет веселее. Чехов уже у вас, а через неделю появится и Горький. Я был не особенно давно у него в Нижнем, застал

его бодрым, веселым и по обыкновению терпеливо выносящим многолюдие — а на днях, в письме¹, он жалуется на здоровье: головные боли и нервное сердцебиение. У вас, в тишине, он вероятно скоро поправится: натура здоровая и дух могучий...

«Дон», 1962, № 3, стр. 188.

У Андреева в дате — описка (октября), что подтверждается почтовыми штемпелями на конверте: «Москва 6 XI 01» и «Ялта 9 XI 01» (Автограф. ЦГАЛИ).

¹ См. Переписка, № 30.

13. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

Москва. 11 декабря 1901 г.

...Давно ли вы в Нижнем? Я там бываю довольно часто (у Горького) и, вероятно, опять буду наезжать...

«Утро», кн. 1. М.—Л., 1927, стр. 243.

14. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 19 декабря 1901 г.

...Очень рад своему успеху¹ и не перестаю благодарить за него вас и Максимыча <...>

Издайся я у Сытина² и так, как намеревался: 20 рассказов — пропал бы. Кстати: теперь разные Клюкины³ делают «предложения» <...> а я отвечаю руганью...

Автограф. АГ.

¹ Речь идет об изданной «Знанием» первой книге рассказов Андреева.

² О предложении Сытина — см. Переписка, № 15—16.

³ Максим Васильевич Клюкин — московский издатель и книготорговец.

15. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

<Конец 1901 — начало 1902 г.>

...Большую помощь оказал мне и большое влияние имел на меня мой учитель Максим Горький. Это его заслуга, что во мне проснулся дух безжалостной самокритики, что я был предохранен от убогого тщеславия...

Отрывок из автобиографии воспроизводится в переводе по кн.: D-g Bořivoj P r u s i k. Epigon Maxima Gorkého (Б. П р у с и к. Эпигон Максима Горького).—«Česká revue», k. V, 1902, str. 541—544.

См. далее № 25.

16. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 13 января 1902 г.

...Написал Алексею Максимовичу о моем плане издания <...> Алексей Максимович писал мне¹ еще давно, что чистою я получу приблизительно 1200 рублей...

Автограф. АГ.

¹ См. Переписка, № 41. Андреев имеет в виду план второго издания книги его рассказов, обсуждавшийся с Горьким еще в декабре 1901 г.

17. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 18 января 1902 г.

...«Стена» — четвертый рассказ — на просмотре у Алексея Максимовича и как он решит — не знаю¹. <...> Относительно гг. Ефимова и Клюкина — это просто люди наживы, которые хотят воспользоваться случаем, те самые клопы, которые, по выражению Алексея Максимовича, сосут писательскую кровь². С наслаждением отвечаю каждому из них отказом <...>

Еще и еще раз — тысячу спасибо вам, дорогой Константин Петрович, и благословение судьбе, давшей мне таких друзей, как Алексей Максимович и вы. В толк не возьму, что бы сделал я без вас, с моим разгильдяйством и нерешительностью...

Автограф. АГ.

¹ О рассказе Андреева «Стена» — см. Переписка, № 38 и др. Рассказ вызвал широкий отклик в печати; Андреева упрекали одновременно в символизме и в натурализме.

Были случаи, когда читатели обращались непосредственно к автору за разъяснением смысла рассказа. Например, Андреев ответил 31 мая 1902 г. на запрос фельдшерницы А. М. Питалевой. Это письмо распространялось в копиях студентами (напечатано А. Ф. Женеvским в журн. «Звезда», 1925, № 2, стр. 257—259).

Андреев писал: «Стена — это все то, что стоит на пути к новой, совершенной и счастливой жизни. Это, как у нас в России и почти везде на Западе, политический и социальный гнет; это несовершенство человеческой природы с ее болезнями, животными инстинктами, злобою, жадностью и пр.; это вопросы о цели и смысле бытия, о боге, о жизни и смерти — „проклятые вопросы“».

13 ноября 1902 г. Андреев откликнулся на шум, поднятый в прессе вокруг его рассказов «Стена» и «Бездна». В этот день появилось его интервью в «Биржевых ведомостях» (№ 310) с заголовком: «О Леониде Андрееве», без подписи.

² Андреев почти дословно повторяет слова Горького (см. Переписка, № 16).

18. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 19 января 1902 г.

...Получил ныне от Алексея Максимовича письмо — сообщает, что уже послал «Бездну» вам. Я написал ему о своих сомнениях относительно ее, но думаю, что на эти сомнения можно наплевать¹.

<...> Завтра посылаю вам «Стену». Алексей Максимович еще ничего определенного о ней не сказал, но пусть на всякий случай она будет у вас.

Автограф. АГ.

¹ Об отношении Горького к рассказам «Стена» и «Бездна» — см. Переписка, № 43—45. 13 января 1902 г. Горький спрашивал Пятницкого: «Посылаю „Бездну“ Андреева. Каково?» («Архив Горького», т. IV, стр. 70). А через день писал ему же: «Андрееву о необходимости прислать еще рассказов — написал. Вчера вам послал его „Бездну“ и „Стену“. Он в феврале будет здесь (там же).

19. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

<Москва. Январь 1902 г.>

...Полной поправке¹ помешала работа — главным образом для «Курьера», срочная и неприятная, оторваться от которой я не мог по соображениям денежного свойства. И то спасибо Горькому, который устроил издание моих рассказов у «Знания», выдавшего мне аванс. Без него — просто бы беда...

ЛА, вып. 5, стр. 85.

¹ Андреев имеет в виду свое лечение от неврастения в клинике Черинова (Москва).

20. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 15 февраля 1902 г.

...19-го поеду в Крым к Алексею Максимовичу¹, от которого, кстати сказать, давно не имею вестей. В Москве прошел слух, что он арестован², но, по всем данным, это чепуха. Боюсь, что письма его, в виду моего цензурного положения³, задерживаются.

Р. С. Если потребуется сообщить мне что-нибудь между 20 и 5 марта, то пишите на Горького. Кстати: посвящение книжки Алексею Максимовичу должно быть повторено во 2-м издании; я не писал этого, думая, что и так делается, но на всякий случай повторяю...

Автограф. АГ.

¹ В Крыму Андреев прожил несколько дней и уже 25 февраля был в Одессе.

² О том же писал Андреев Л. В. Средицу 12 февраля 1902 г.: «По распространившимся в Москве слухам Алексей Максимович арестован. В свою очередь я давным-давно не получаю от него писем и сильно беспокоюсь. Будьте добры, если Алексей Максимович арестован, телеграфируйте мне одним словом: „верно“ — я буду вам очень, очень благодарен <...> Если полиция отпустит, числа 22—23 приеду в Ялту. Выезжаю из Москвы 18-го, ибо 17-го состоится генеральная репетиция „Мещан“, на которой хочу побыть» (журн. «Дон», 1962, № 3, стр. 188).

³ В том же письме Андреева к Средицу имеются такие строки: «Неполучение писем от Алексея Максимовича, быть может, объясняется моим поднадзорным в данную минуту положением».

Начиная с 31 января 1902 г., дня первого обыска на квартире Андреева, он числился в «неблагонадежных» (см. телеграмму Трепова от 17 ноября 1902 г. к киевскому губернатору на стр. 203 настоящ. тома) и был постоянно под наблюдением полиции. Имеется следующая справка, находящаяся в делах Московского охранного отделения «О помощнике присяжного поверенного Л. Н. Андрееве»: «Состоя студентом Московского университета, он входил в состав Орловского землячества и на одном из собраний этой организации предлагал общими силами издать сборник в пользу студенчества; он хорошо знаком с дворянином Павлом Михайловичем Велигорским, которому за политическую неблагонадежность господином министром внутренних дел было запрещено жительство в столицах и столичных губерниях на два года, сроком по 10 марта 1899 г., и находится в весьма близких отношениях с писателем Ал. М. Пешковым (Максим Горький)» (ЦГАОР, ф. 63-И, МОО, № 90, 1902 г.).

Полушутливо и иронически Андреев писал своей родственнице С. Д. Пановой 4 февраля 1902 г.: «Везде называют восходящей звездой и в некоторых <статьях> ставят на место Горького. В Москве популярность моя так велика, что единственно, кажется, на основании ее на днях был произведен у меня ночной обыск» (Ф а т о в, стр. 179).

21. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 20 февраля 1902 г.

...Вчера был на генеральной репетиции «Мещан»¹. Пьеса прекрасная, исполняется превосходно, со всем мастерством Художественного театра. Успех будет несомненный²...

Автограф. АГ.

¹ Генеральная репетиция «Мещан» состоялась 19 февраля 1902 г. в Москве. Премьера же пьесы была в Петербурге, куда Художественный театр выехал на гастроли, 26 марта.

² Свою оценку пьесы «Мещане» Андреев изложил в специальной статье («Курьер», 1902, № 89, 31 марта. См. стр. 475—480 настоящ. тома).

22. АНДРЕЕВ — З. Н. СИБИЛЕВОЙ (ПАУТОВОЙ)

Москва. 6 апреля 1902 г.

...В феврале этого года я женился на А. М. Велигорской (сестре Е. М. Добровой), ездил с нею по Крыму, недели две прожил у Горького и теперь только вернулся...

Автограф. ИРЛИ.

Зинаида Николаевна *Сибилева* — юношеская любовь Андреева, которой он посвятил много страниц своего «Дневника» (не издан. Собрание И. С. Зильберштейна). В ИРЛИ хранятся автографы 68 писем Андреева к Сибилевой 1890—1892 и 1902 гг. В книге «Молодые годы Л. Андреева» Фатов приводит цитаты из писем Андреева к ней.

23. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

(Москва. 26 апреля 1902 г.)

...Вчера проехал через Москву Горький, и я его не видал: телеграммы о своем приезде он не прислал, и я с утра на целый день уехал на поиски дачи¹ <...>

Здесь ходят слухи, что Шаяпин арестован²...

Автограф. АГ.

¹ В Москву Горький приехал 25 апреля («Летопись», I, стр. 382).

² Слухи об аресте Шаяпина были неверными.

24. АНДРЕЕВ — И. А. БУНИНУ

(Царицыно.) 12 мая (1902 г.)

...О Максимыче ни слуху, ни духу¹. Шулятиков и Скирмунт² арестованы — вот соединение!

Автограф. ЦГАЛИ.

¹ В связи с переездом Горького из Оленино к месту ссылки — в Арзамас (Горький побывал в эти дни и в Нижнем-Новгороде) временно прервалась его переписка с Андреевым.

² О Шулятикове и Скирмунте — см. Переписка, № 23 и 31.

25. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Царицыно. 12 мая 1902 г.

В чешском «*Revue*»¹ вышла статья обо мне с коротенькой автобиографией, где, между прочим, я указываю на благотворное воздействие Горького на направление моей литературной деятельности². Пробудил во мне дух самокритики, заставил строже относиться к себе и т. д. Воистину! — тысяча раз спасибо Алексею, люблю его до чёртиков. И пусть Шольц³ упомянет о влиянии Горького — не литературном, а влиянии *рыцаря духа* на колеблющегося и нерешительного любителя этого самого духа. Как я люблю жизнь и людей!...

Автограф. АГ. Опубликовано частично в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 79—80.

¹ См. выше № 15.

² Андреев повторил это утверждение в автобиографической справке «Первые литературные шаги», напечатанной в 1911 г. в одноименном сборнике, составленном Ф. Ф. Фидлером (СПб.). Отрывок из нее см. на стр. 539 настоящ. тома.

³ О переводчике А. Шольце см. стр. 159 настоящ. тома.

26. АНДРЕЕВ — Л. В. СРЕДИНУ

(Царицыно. 26 мая 1902 г.)

Встретил в Москве Ефима¹, и Ефим сказал, что вы с Софьей Петровной² хотите проехаться к Горькому. Другими словами — вы будете в Москве. А раз вы будете в Москве — неужели не заглянете вы к нам, в Царицыно?

Ждем вас всенепременнейше. В половине июня мы уедем на Волгу (будем, вероятно, и у Максимыча)³ проездом числа до 10 июля, а все остальное время, до и после, безвыездно в Царицыне...

Автограф. ЦГАЛИ. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Ефим Зиновьевич *Коновичер* (1863—1916) — помощник присяжного поверенного, юрисконсульт частной оперы Зимина; одно время работал в редакции «Курьера» (1902—1903); переписывался с Чеховым и бывал у него в Ялте; был знаком и со Срединым.

² Софья Петровна — жена Средина.

³ Свою поездку к Горькому Андреев осуществил лишь в июле.

27. АНДРЕЕВ — Ф. Д. БАТЮШКОВУ

⟨Царицыно. 19 июля 1902 г.⟩

...Пересылаю вам поклон А. М. Пешкова, от которого я только что вернулся...

Автограф. ГПБ, архив Ф. Д. Батюшкова. Датируется по почтовому штемпелю.

С Федором Дмитриевичем *Батюшковым* (1857—1920), историком литературы и критиком, Горький был знаком с конца 1890-х годов. В 1902—1906 гг. Батюшков был редактором «Мира божьего». О взаимоотношениях Горького и Батюшкова см. в статье Т. У х м ы л о в о й и В. Г о л у б е в а «Переписка М. Горького с Ф. Батюшковым» (МИ, т. II, стр. 249—262).

28. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. 25 ... 26 июля 1902 г.⟩

...Драма Максимыча — восторг¹. Он как оглоблей хватит ею по лбу всех тех, кто толковал об упадке его таланта.

Если будете у него в Арзамасе, поговорите с ним о вводе меня в «Знание» в качестве компаньона². Я говорил...

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого о получении «28 июля 1902 г.». Частично опубликовано в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 80.

¹ «На дне». Об этой пьесе идет речь и в письмах Андреева, № 29—31.

² О желании Андреева вступить в члены т-ва «Знание» Горький писал Пятницкому около 14—15 июля 1902 г. из Арзамаса: «Леонид выразил твердое намерение вступить товарищем в „Знание“ — помогите ему в этом, поскорее. Он говорит, чтоб я внес за него пай, — разумеется, я согласен» («Архив Горького», т. IV, стр. 94). В пайщики «Знания» Андреев не вступил.

29. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

⟨Царицыно. Конец июля — начало августа 1902 г.⟩

...Видел в Арзамасе Горького — отдыхает душой и работает. Ка-а-кую он драму закатил! Красота, сила, мудрость и нечто новое, зрелое, еще не встречавшееся у Горького. В постановке Художественного театра будет нечто невиданное...

ЛА, вып. 5, стр. 95.

30. АНДРЕЕВ — Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

⟨Москва. Начало августа 1902 г.⟩

...Был я в Арзамасе у Горького и слышал его новую драму: «В ночном доме» или «На дне» (он еще не остановился на том или другом заглавии). Сам Горький сильно изменился в сторону бодрости и подъема духа, а его новая драма — нечто неожиданное по силе, смелости и красоте.

Такою, по крайней мере, показалась она мне (здесь, в Москве, я слышал, что Чехову драма не понравилась¹ — это не меняет моего взгляда). Берет Горький все тех же своих босяков и бывших людей, но есть нечто совершенно новое в сильно изменившемся и, я сказал бы, просветленном взгляде автора. Из романтика со всею бессознательною, хоть и красивою ложью романтизма он словно превратился в философа, настойчиво и мучительно ищущего смысла бытия. Он нагромодил гору жесточайших страданий, бросил в одну кучу десятки разнохарактерных лиц — и все объединил жгучим стремлением к правде и справедливости. И я не знаю, хотел ли он того, или уж это случилось так, но драма его лежит на широчайших социальных основах. А написана она хорошо, так хорошо, что я послушал, послушал — да и запустил к чёрту свою начатую драмищу². Почувствовал, как я еще молодо-зелено. И — «Мещане» его — в подметки не годятся!

ЛА, вып. 5, стр. 55—56.

Об отношении Андреева к пьесе «На дне» — см. также письма № 28, 29 и 31.

¹ Слухи эти оказались неверными. «Она нова и несомненно хороша, — писал Чехов о пьесе Горькому 29 июля 1902 г. — Второй акт очень хорош, это самый лучший, самый сильный, и я, когда читал его, особенно конец, чуть не подпрыгивал от удовольствия...» (А. П. Чехов. Собр. соч., т. XIX. М., 1950, стр. 314). 6 ноября того же года Чехов писал Ф. Д. Батюшкову: «„На дне“ — пьеса хорошая; она, как говорят, измарана цензурой, но все-таки пойдет, и скоро начнутся правильные репетиции, к тому же есть надежда, что цензор сменит гнев на милость и кое-что возвратит пьесе...» (там же, стр. 372). Сохранились и другие одобрительные высказывания Чехова о пьесе.

² Имеется в виду задуманная Андреевым драма «Брат и сестра» (см. Переписка. № 79, а также далее письмо № 33).

31. АНДРЕЕВ — Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

〈Москва. Около 16 ... 18 августа 1902 г.〉

...Вероятно в пересказе «Русскими ведомостями» драмы «На дне» есть неправильности¹. Пьеса написана с величайшим и даже удивительным тактом, и ненужных ужасов и дергающего нервы кровопролития и крика в ней нет. В первом акте умирает большая жена рабочего Клеца, и смерть ее так тиха, незаметна, так подготовлена предыдущим, что в общей картине жизни ночлежки является лишь правдивой подробностью. Такова же и смерть актера в четвертом акте. Он давится *за кулисами*, на сцене смерть его отмечают только таким незатейливым и кратким диалогом:

— Братцы, актер удавился.

— Эко дурак, всю музыку испортил!..

Компания пила водку и пела песни.

Центральное место: убийство Костылева в драке — написано прекрасно, с изумительным соблюдением меры. Драка большею своею частью происходит за сценой: самое убийство совершается в закоулке, опять-таки не на глазах зрителя. Правда, и при этих условиях впечатление ужасное, но оно, так сказать, обоснованно и необходимо.

Других смертей и ужасов нет. В четвертом акте много смешного — да и во всей пьесе юмору достаточно...

ЛА, вып. 5, стр. 57.

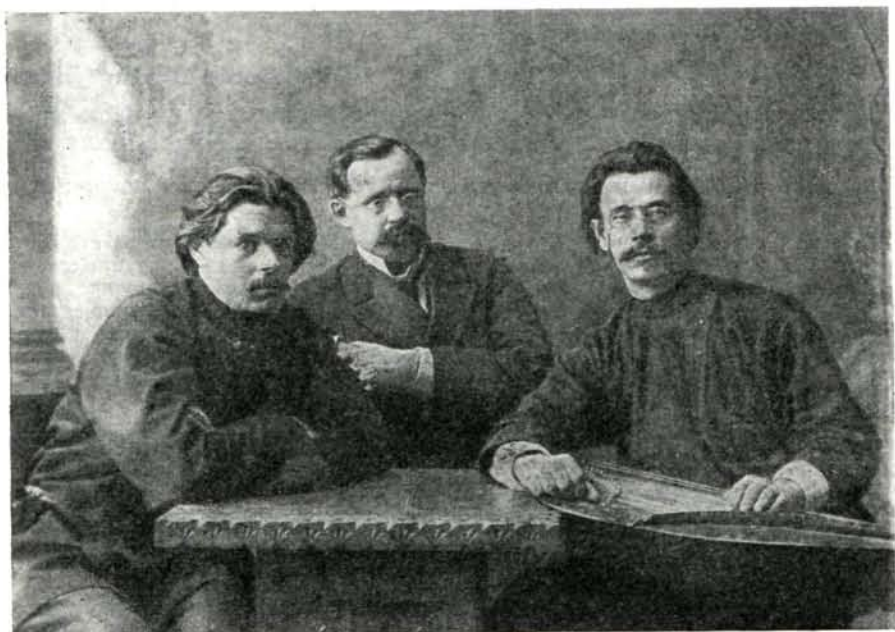
¹ Имеется в виду хроникальная заметка «Новая пьеса Максима Горького» («Русские ведомости», 1902, № 223, 14 августа).

25 августа Андреев выступил в «Курьере» с упреками по адресу печати, которая грубо обрушилась на Художественный театр, ставивший пьесу, и на ее автора (текст статьи Андреева — см. в настоящ. томе, стр. 480—482).

32. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Царицыно. 18 августа 1902 г.

...Завтра, послезавтра я кончу рассказ «В тумане» <...> Вопрос вот в чем: значителен ли этот рассказ? Стоит ли он всего этого шума и беспокойства? Этот вопрос я предоставляю решить вам и Максимычу, которому пошлю копию рассказа, ибо сам о рассказе *невысокого мнения* <...> Пожа-

ГОРЬКИЙ, К. П. ПЯТНИЦКИЙ И С. Г. СКИТАЛЕЦ
Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902 г.
Архив Горького, Москва

луйста, пришлите <карточку>: мне хочется, чтобы мой стол был не хуже стола Максимыча, на котором уже есть ваш портрет...

Автограф. АГ.

К рассказу «В тумане» Горький относился положительно. Об этом свидетельствует то, что даже в 1933 г. он напомнил о нем члену редколлегии журнала «Литературная учеба» Е. С. Добину, рекомендуя включить рассказ в число тех произведений, которые будут подвергнуты аналитическому разбору на страницах журнала (XXX, 293).

О рассказе «В тумане» — см. Переписка, № 67, 79.

33. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

<Москва. 30 ... 31 августа 1902 г.>

...В бытность в Арзамасе у Горького слышал в его своеобразнейшем чтении своеобразнейшую пьесу «На дне». Дивная вещь — «Мещане» перед нею мальчишки и щенки! До того хороша, что думал я было сам драму писать, а послушал — и плюнул на свою драму, молодо-зелено! ¹...

«Русская литература», 1962, № 3, стр. 198.

¹ О том же — выше в письме к Н. К. Михайловскому (№ 30).

34. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 23 сентября 1902 г.

...Максимыч писал мне о сборнике «Знания» № 1. Дам рассказ, если не заболую ¹...

Автограф. АГ.

¹ В первый сборник «Знание» Андреев дал рассказ «Жизнь Василия Фивейского».

35. АНДРЕЕВ — И. А. БУНИНУ

〈Москва. 29 сентября 1902 г.〉

...Приехал Максимыч и сегодня вечером читает у меня свою драму ¹. Приходи обязательно и скажи о том же Юлию ². Будет Шаляпин!

Автограф. ЦГАЛИ. В конце письма рукою Бунина карандашная помета: «29 сент. 1902, Москва столица».

¹ Об этом чтении на «Среде» пьесы «На дне» рассказал в бакинской газете «Каспий» журналист Б. Борский: «В начале прошлого октября <здесь ошибка: чтение состоялось 29 сентября.— А. Н.> М. Горький читал свою драму „На дне“ в этом кружке, в небольшой уютной квартире Л. Н. Андреева. Я несколько запоздал, и, когда пришел, все уже были в сборе <...> Читал Горький превосходно, — на голоса, выдерживая интонацию голоса каждого действующего лица <...> С каждой новой страницей впечатление росло и усиливалось. И жгучей тоской жгло сердце. И когда Горький проронил заключительные слова Сатина:

— Эх... испортил песню... дуррак! —

мы почувствовали, как что-то темное и тяжелое, как мрак, перестало давить наши души... и все облегченно вздохнули <...>

Затем зашел Шаляпин и все остальные <...>

Они, такие могучие и властные, заставляли верить в себя и в то, что народ, выдливший из себя таких людей, — могуч, силен и живуч.

Они — провозвестники правды на земле, и там, где они появились, там скоро будет лучше...» (1903, № 37, 13 февраля).

В ИМЛИ сохранилась телеграмма Андреева к Телешову с приглашением на то же чтение:

«Телешову Николаю Дмитриевичу

Москва. 29 сентября 1902 г.

Приехал Максимыч и сегодня вечером читает у меня свою драму. Приезжай с женой.

Л е о н и д

Под текстом помета рукой Телешова о месте чтения пьесы: «Сред. Пресня, д. Гвоздевой. „На дне“; на обороте его же рукой список присутствовавших на чтении пьесы: 1) Горький; 2) Шаляпин; 3) Андреев; 4) Скиталец; 5) Найденев; 6) Бунин; 7) Бунин; 8) Белоусов; 9) Голоушев; 10) Махалов (Разумовский); 11) Тимковский; 12) Телешов; 13) Хитрово» (ИМЛИ.— Судя по заметке Борского, на чтении присутствовали и другие приглашенные).

² Брат И. А. Бунина — Юлий Алексеевич (1857—1921) — литератор, один из активнейших деятелей «Среды»; сменил Телешова на посту председателя этого литературного объединения.

36. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

〈Москва. 14 октября 1902 г.〉

...На Буренина я, ей-богу, плюю ¹. Мне даже приятно. По существу он мой враг, а когда враг бранится, это радует сердце. Горькому, если хотите, я скажу ², — но не целесообразнее ли в смысле успеха было бы поговорить с ним лично. Он будет в СПб. недели через полторы. Но ничего должно быть не выйдет: он совсем бросил писать рассказы и для своего «Курьера» я ничего не могу от него достать. Приезжайте на «На дне» — очень, очень приятно будет повидаться.

Автограф. ИРЛИ. Дата рукою Измайлова.

¹ Речь идет о статье Буренина «Критические очерки», напечатанной в «Новом времени» (1902, № 9549, 4 октября). В ней автор снова обрушивался на «аморальное» творчество Андреева. Спустя четыре месяца, 31 января 1903 г., Буренин выступил со статьей под тем же названием, в которой резко отрицательно отозвался о рассказе «В тумане», заявив: «Андреев снова наблудил» (№ 9666).

² Измайлов, видимо, просил Андреева воздействовать на Горького, чтобы тот дал рассказ для «Биржевых ведомостей», постоянным сотрудником которых был Измайлов.

37. АНДРЕЕВ — Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

(Москва. Октябрь 1902 г.)

...Ничего, кроме хорошего, от Пятницкого ожидать я не могу. Ведь он меня совокупно с Горьким вырвал из когтей Сытина¹, купившего у меня книжку за 350 рублей! (а в «Знании» я получил за год 6000 рублей). Без них я сейчас погибал бы за каторжной газетной работой...

ЛА, вып. 5, стр. 50.

¹ См. об этом Переписку, № 15—16.

38. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

(Москва.) 2 ноября 1902 г.

...Относительно продажи книг Алексей (он вчера был у меня, только что приехал и порядочно развинчен), говорит, что это чепуха <...> Горький советует ехать в Крым, но это не подходит...

Автограф. АГ.

Речь идет о втором издании книги рассказов Андреева.

39. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

(Москва. Декабрь 1902 г.)

...Сведения дам с удовольствием¹. Родился я в 1871 г. в Орле — там же учился в гимназии <...>

Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изредка пишу статейки на общественные темы. Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький...

ЛА, вып. 5, стр. 99—100.

¹ Сведения, изложенные Андреевым в письме, были опубликованы Миролюбовым в «Журнале для всех». См. ниже, № 40.

40. ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

<Декабрь 1902 г.>

...В 1898 г. я написал, по предложению секретаря «Курьера» И. Д. Новикова <Новика. — А. Н.>, первый свой рассказ, пасхальный, и затем уже целиком отдался литературной деятельности, довольно разнообразной: одно время составлял судебные отчеты, писал фельетоны под различными псевдонимами и рассказы. Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изредка пишу статейки на общественные темы. Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький...

«Журнал для всех», 1903, № 1, стр. 3—4.

По поводу этой заметки Андреев сказал Измайлову: «Я отнесся к этому требованию журнала недостаточно серьезно и не вполне взвешивая значение этой страницы» (А. А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 243). См. также в разделе «Горький об Андрееве», № 24.

41. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

(Москва. Январь 1903 г.)

...Ваше последнее письмо о «Тумане» пришло необычайно кстати (...)
Только небольшой кружок лиц, — в числе коих, к моему удовольствию, находятся Горький и Чехов, хорошего мнения о рассказе...

«Утро», кн. 1. М. — Л., 1927, стр. 244.

Чехов писал 1 февраля 1903 г. О. Л. Книппер: «„В тумане“ — очень хорошая вещь, автор сделал громадный шаг вперед; только конец, где распарывают живот, сделан холодно, без искренности» (А. П. Чехов. Собр. соч., т. XX. М., 1950, стр. 33).

Об этом же писал Чехов и самому Андрееву 2 января 1903 г.: «И „Иностранец“ и „В тумане“ — это два серьезные шага вперед. В них уже много спокойствия, авторской уверенности в своей силе, в них мало авторской нервности. Беседа отца с сыном „В тумане“ сделана спокойно и за нее меньше не поставит, как 5» («Лит. наследство», т. 68, 1960, стр. 249).

Рассказ «В тумане» встретил неодобрительные отзывы в печати (см. Переписка, № 79). До нас дошло также свидетельство журналиста Скрибы (Е. Соловьева-Андреевича), опубликовавшего в «Одесских новостях» (1903, № 6030, 17 июля) статью-фельетон под названием «В Ясной Поляне». На вопрос Толстого, о чем он, Скриба, пишет — последний ответил: «Больше о текущем. Написал восторженную статью о „На дне“. — Это, пожалуй, и напрасно, — ответил Толстой. — Эти босяки в плащах, в шляпах со страховыми перьями и при шпагах могли бы уже набить оскомину. А еще о чем? — О „В тумане“ Андреева. Пришлось в сущности ответить на массу писем в редакцию, которые вызвал рассказ. — Какие письма? — Почти такие же, какое поместила Софья Андреевна в „Новом времени“. Я возразил, как мог...»

— Это вот следовало сделать. Андрееву ли, или кому другому, во всяком случае следовало указать на факт этой ранней похотливости и того отвратительного выхода, который она себе находит. У Андреева это сделано грубовато, но в общем хорошо».

Андрееву, несомненно, была известна эта оценка Толстого.

Рассказ имел успех в марксистской прессе. В. В. Воровский, говоря о развитии революционных настроений среди учащейся молодежи, писал: «Гимназист (из рассказа «В тумане». — А. Н.) идет еще дальше: он прямо принимает участие в революционной борьбе, вступает в революционные организации, участвует в политических демонстрациях, говорит пламенные речи толпе, с ним приходится серьезно считаться правительству, с ним приходится бороться...» (Сочинения, т. III. М. — Л., 1933, стр. 11).

42. АНДРЕЕВ — И. А. БУНИНУ

(Москва. Январь 1903 г.)

...Вчера, по возвращении со «Среды», нашел дома телеграмму от Максимила: просит справиться о твоём рассказе ¹ и поторопить тебя. Так вот. Торопись, чёртов кум!

<...> Ей-богу! Не отставай от компании, не огорчай Максимила!

Автограф. ЦГАЛИ.

¹ Речь идет, вероятно, о рассказе «Чернозем», который Бунин обещал дать для первого сборника «Знание» (он и был там напечатан).

Телеграмма Горького не сохранилась.

43. АНДРЕЕВ — А. А. ИЗМАЙЛОВУ

Москва. 5 февраля 1903 г.

...О «В тумане» не хочется говорить — надоел он мне хуже горькой редьки. Вместо спора посылаю вам две вырезочки, с которыми я в значительной мере согласен (за исключением оценки художественной, ибо мне «Туман» с этой стороны не нравится).

Будьте другом, пришлите их обратно, присовокупив еще один экземпляр вашей статьи — Горький собирает их и просит присылать ему ¹...

Автограф. ЦГАЛИ. Опубликовано частично в журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 200.

¹ Горький неоднократно просил Пятницкого подбирать для него газетные и журнальные рецензии на произведения свои и Андреева.

ПРОГРАММА ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ
ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» В МОСКОВСКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ,
18 ДЕКАБРЯ 1902 г.
Музей Художественного театра, Москва

19 02

Среда, 18-го Декабря.

ВЪ 1-О РАЗЪ:

НА ДНѢ,

постановка 4-хъ дѣйств., по М. Горькому

Дѣйствующие:

Михаилъ Ивановичъ Костылинъ, подермателъ	Г. С. Туржанская
Василия Карловна, его жена	Е. П. Муромова
Наташа, ее сестра	М. Ф. Андреева
Медвѣдовъ, ихъ дядя	Н. Ф. Брусиловъ
Василия Тесла	А. П. Нардамовъ
Клеца, Андрей Митричъ, сестеръ	А. П. Дегаровъ
Анна, его жена	М. Р. Савицкая
Носовъ	В. Л. Кешперъ
Клавдия, воровка покладистая	М. А. Самарина
Нубина, воровка	В. В. Лукина
Савина	К. С. Семиславская
Баронъ	Н. Н. Кавалонъ
Антонъ	М. А. Громова
Пуга, суровникъ	И. М. Москвитинъ
Алиша, суровница	А. П. Давыдовъ
Красноя (оба) — вранцы	Н. А. Барановъ
Татаринъ	А. П. Нашетскій

(Обитатели подожки, бродяги и др.)

Декорации художника В. А. Сомова.

Парики, гримъ и прически гримера Я. И. Миланова-Греческалово.

Начало въ 8 час. веч., оконч. въ 12 час. ночи.

РЕПЕРТУАРЪ:

Четверкъ, 19-го Декабря. Въ 2-й разѣ: «НА ДНѢ» (по пьесѣ М. Горькома).

Пятница, 20-го Декабря. Въ 10-й разѣ: «ВЛАСТЬ ТЫМЫ».

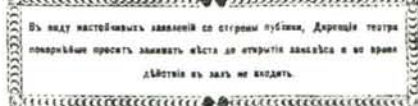
Суббота, 21-го Декабря. Въ 3-й разѣ: «НА ДНѢ».

Воскресенье, 22-го Декабря. Въ 4-й разѣ: «НА ДНѢ».

Репертуаръ сдѣланъ съ 26-го Декабря 1902 г. по 6-е Января 1903 г.

выпустить отдѣльные офшеры.

Наско (средній подожка) открыты въ 10 час. утра до 10 час. веч.

На изданіи: БИЗНЕСЪ АНДРЕЕВА, изданный въ 1903 году въ Москвѣ Издательствомъ Свѣтла
и раздѣлъ: 26 марта 1903 г. изданъ въ Москвѣ Издательствомъ Свѣтла и раздѣлъ: 26 марта 1903 г.
изданъ въ Москвѣ Издательствомъ Свѣтла и раздѣлъ: 26 марта 1903 г. изданъ въ Москвѣ Издательствомъ Свѣтла

Печ. разд. 11 января 1903 г. Моск. Издательство. Издательство: Москва. Издательство: Москва.

1-й Издательство: Москва. Издательство: Москва. Издательство: Москва. Издательство: Москва.

44. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Москва. Конец февраля — март 1903 г.〉

...Думаю написать Алексею, но в то же время не решаюсь¹. Если и это письмо он оставит без ответа, уничтожится последняя возможность примирения...

Автограф. АГ.

¹ Андреев имеет в виду гневную реакцию Горького на его поведение в Нижнем-Новгороде (см. об этом подробно — Переписка, № 81—83). 15 февраля Горький писал Пятницкому: «Видел Леонида пьяным — это отвратительно и ужасно, но помогает многое понять в его литературе. Возился я с ним целую ночь, едва не избил его, но все же — это полезно, хотя и страшно. Драму свою «Брат и сестра». — А. Н. — он написал не только неумело, но и — бездарно, что, впрочем, сам понимает. Мы ее забраковали — я и Алексин — он согласился с нами и уничтожил. Это хорошо». Через два дня Горький

пишет ему новое письмо: «Нервы у меня взвинчены — до чёртиков, настроение — отвратительное. Причина — Андреев. Сей муж натворил здесь за три дня такую уйму всякого неподобного, что я прямо обалдел <...> Я имел объяснение с Леонидом, он довольно скверновато увертывался, а в заключение — напился. Не до той степени скотства, как первый раз, но все-таки — довольно основательно. Пьяный начал безобразить. Предложил я ему лечь спать — не пожелал, говорит — „Уйду“. А уже 4 часа утра было. Ну, я снял с него сапоги и спрятал их. Он — обозлился. Кинулся на Алексина с ножом, но попал не в доктора, а в дверь.

Затем — мы его решили отпустить на все четыре стороны, он ушел, в сопровождении Малинина, в номера и вечером этого дня, не заходя уже ко мне, уехал в Москву, куда я дал телеграмму знакомым, чтобы его встретили и вытрезвили. Вот — внешняя сторона события. А внутренняя — такова: мне противно видеть Леонида Андреева, так омерзительно, так гадко, что по всей вероятности — мой к нему отношения уже не возобновятся в той форме, в какой были возможны до сей поры. Видеть литератора во образе скота — достаточно один раз, для того, чтоб потерять к нему уважение» (письмо написано между 17 и 19 февраля 1903 г. — «Архив Горького», т. IV, стр. 120—121).

Андреев глубоко страдал от разлада с Горьким и считал своим долгом сообщить о нем Пятницкому. «Вам, вероятно, известно, что отношения мои с Горьким изменились? Если нет, то мне кажется, я не должен скрывать это от вас, — писал он 22 марта 1903 г. (АГ). См. также следующие письма.

45. АНДРЕЕВ — В. Ф. БОЦЯНОВСКОМУ

Москва. 17 марта 1903 г.

...Огромное влияние на мою судьбу оказал Горький. Он научил меня строгому отношению к работе и помог отыскать самого себя. Его благородная, почти нечеловеческая личность дала мне больше, чем все книги, которые я прочел, все люди, которых я знал. Я в жизнь поверил, узнавши Горького...

Полностью письмо напечатано в «Неделе», 1963, № 9, 24 февраля — 2 марта, стр. 10—11; вошло в сб. «Забытым быть не может». М., изд. «Известия», 1963, стр. 198—200.

Владимир Феофилович *Боцяновский* (1869 — 1943) — писатель и литературный критик. 22 марта 1903 г. выступил с докладом о творческом пути Андреева на заседании Русского библиографического общества в Петербурге. Письмо Андреева является ответом на просьбу Боцяновского прислать свою автобиографию. Боцяновский — автор первой книги об Андрееве («Леонид Андреев». СПб., 1903).

46. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Москва. Конец мая 1903 г.>

Разрыв с Алексеем остается до сих пор тем, что болит, о чем нельзя забыть никак. Думаю ежедневно очень помногу, ни к чему. Поступил он дурно: 1) усумнился во мне; 2) с обывательской недальновидностью смешал меня с пьяным человеком и дурной мой желудок, не позволяющий мне безнаказанно пить, поставил выше моего ума, сердца, всего, что знает во мне хорошего; 3) не ответил на письмо мое. Последнее особенно дурно, ибо свидетельствует о слишком многом. Нельзя у кого бы то ни было, даже у последнего мерзавца отнимать право объясниться — разве сейчас Алексей не расстреливает меня — не выслушавши моего последнего слова? Бесчеловечно, недостойно Алексея.

И как прежде люблю его, ценю и понимаю, — даже в том дурном, что он делает со мною. Люблю хорошею любовью.

Хотелось бы очень поговорить, писать трудно. Здоровье еще неважно, работать не могу. Эта история глубоко ранила меня <...> Напишите как живет Горький.

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого об ответе 29 мая 1903 г.

47. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва⟩. 24 июня 1903 г.

...Да, вот еще что. Алексей Максимович рассчитывал, если не ошибаюсь, что для сборника я дам «Бунт на корабле»¹. Но штука в том, что «Бунт» все-таки не дается мне, точно заколдованный, да и наконец — по значительности и своевременности темы «Жизнь ⟨Василия Фивейского⟩» не уступает ему. Это не значит, конечно, что она хороша, и моя настоятельная просьба, чтобы вы послали рассказ Алексею Максимовичу для прочтения. Непоколебимо уверен, что наши изменившиеся отношения не составят к тому препятствия; и как был Горький для меня единственным человеком, мнением которого я безусловно дорожу, так и остался, что бы он обо мне ни думал. Здесь, впрочем, ставлю точку; трудно и тяжело говорить на эту тему...

Автограф. АГ.

¹ «Бунт на корабле» не был закончен Андреевым (см. о нем Переписка, № 35).

48. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. Конец августа 1903 г.⟩

...При сем прилагаю письмо к Горькому¹. Оно не запечатано, и мне очень хотелось бы, чтобы вы прочли его, так как горячее мое желание: иметь во всей этой истории, очень прискорбной, третье, беспристрастное

Годъ VIII. 1903. № 1. Январь.

Журналъ для всѣхъ

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ

Иллюстрированный

литературный и научно-популярный.

Контора и Редакция: С. Петербургъ, Невскій, 88, по 7.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ.

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ.

ОБЛОЖКА «ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСЕХ»
С ПОРТРЕТОМ АНДРЕЕВА

1903, январь, № 1

ные взоры всей мыслящей Россіи, за которыми, какъ грозный укоръ, стоятъ двадцать пять лѣтъ исключительныхъ трудовъ, ставящихъ его въ первыя ряды міровой литературы. Совѣтъ недавно, на нашихъ глазахъ, малая страна, Польша, сумѣла проявить духъ великой личности, щедро одаривъ Генриха Сенкевича, въ его юбилейный годъ - неужели въ огромной Россіи Антонъ Чеховъ будетъ представлять капризу судьбы, лишившей его законныхъ его правъ.

Намъ извѣстенъ Вашъ договоръ съ А. П. Чеховымъ, по которому всѣ произведенія его поступаютъ въ полную Вашу собственность за 75.000 рублей, причѣмъ и будущія его произведенія не свободны; по мѣрѣ появленія своего, - они поступаютъ въ Вашу собственность за небольшую поистинную плату, не превышающую обычнаго его гонорара въ журналахъ - съ тѣмъ огромнымъ разницей, что въ журналѣ они печатаются разъ, а къ Вамъ поступаютъ навсегда. Мы знаемъ, что за года, протекашіе съ момента договора, Вы въ нѣсколько разъ успѣли покрыть сумму, уплаченную Вами А. П. Чехову за его произведенія; помимо отдѣльныхъ изданій разсказа Чехова, какъ приложеніе къ журналу "Нива" должны были разойтись въ сотни тысячъ экземпляровъ и съ избыткомъ вознаградить Васъ за всѣ понесенныя издержки. Далѣе, принимая въ разсчетъ, что въ теченіе многихъ дѣстковъ лѣтъ Вамъ предстоитъ пользоваться доходами съ сочиненій Чехова, мы приходимъ къ несомнѣнному и печальному выводу, что А. П. Чеховъ получилъ крайне ничтожную часть дѣйствительно заработаннаго имъ. Безспорно нарушая имущественныя права Вашего контрагента, указанный договоръ имѣетъ и другую отрицательную сторону, не менѣе важную для общей характеристики печальнаго положенія Антона Павловича: обязанность отдавать всѣ свои новыя вещи Вамъ, хотя бы другія издательства предлагали неизмѣримо болѣшую плату, должно тяжелымъ

Милостивый Государь

Въ настоящій моментъ, когда вся Россія готовится праздновать четвертьвѣковой юбилей А. П. Чехова, съ особенной силой выдвигается вопросъ, которымъ въ послѣднее время болѣзненно интересуется русское общество и товарищи Антона Павловича. Дѣло заключается въ почительномъ и недопустимомъ несоотвѣствіи между дѣятельностью и заслугами Антона Павловича передъ родной страной съ одной стороны и необеспеченностью его матеріальнаго положенія - съ другой.

Двадцать пять лѣтъ работаетъ А. П. Чеховъ, двадцать пять лѣтъ неустанно будить онъ совѣсть и мысль читателя своими прекрасными произведеніями, облитыми живымъ кровью его любящаго сердца, и онъ долженъ пользоваться всѣмъ, что дается въ удѣлъ честнымъ работникамъ - должны, иначе всѣмъ намъ будетъ стыдно. Создавъ рядъ крупныхъ цѣнностей, которыхъ на Западѣ дали бы творцу ихъ богатство и полную независимость, Антонъ Павловичъ не только не богатъ - объ этомъ не смѣетъ думать и не думаетъ русскій писатель - онъ просто не имѣетъ того средняго достатка, при которомъ много поработавшій и утомленный чело-вѣкъ можетъ спокойно отдохнуть безъ думы о завтрашнемъ днѣ. Иными словами, онъ долженъ жить тѣмъ, что зарабатываетъ сейчасъ - печальная и неслуженная участь для чловека, на котораго обращены восторжен-

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО КЪ А. Ф. МАРКСУ — ИЗДАТЕЛЮ СОЧИНЕНІЙ А. П. ЧЕХОВА, С ПРЕДЛОЖЕНІЕМЪ ОСВОБОДИТЬ ПИСАТЕЛЯ ОТ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПО ДОГОВОРУ, СТАВЯЩЕМУ ЕГО ВЪ ТЯЖЕЛОЕ МАТЕРІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ, КОНЕЦЪ 1903 Г.

Написано совместно Горькимъ и Андреевымъ. По настоянію Чехова письмо не было отправлено
Архив Горького, Москва

чувством зависимости дойти на А. П. Чехова и несомненно отразится на продуктивности его творчества. По одному из пунктов договора Чехов платит неустойку в 5000 руб. за каждый печатный лист, отданный им другому издательству - таким образом он лишен возможности давать свои произведения даже дешевым народным книгоиздательствам. И среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложке своей несущих имена почти всех современных писателей, нет книг с одним только дорогим именем - именем А. П. Чехова.

И мы просим Вас, в этот юбилейный год, исправить невольную, как мы уверены, несправедливость, до сих пор тяготевшую над А. П. Чеховым. Допускаю, что в момент заключения договора Вы, как и Антон Павлович, могли не предвидеть всех последствий сделки, мы обращаем к Вам чувство справедливости и ведем, что формальные основания не могут в данном случае иметь решающего значения. Судебный расторжения договора при аналогичных обстоятельствах уже бывали - достаточно вспомнить Золя и его издателя Фаскели. Заключение договора с Золя в то время, когда последний не вполне еще определился, как крупный писатель, могущий рассчитывать на огромную аудиторию, фактически сам расторг этот договор и заключил новый, когда Золя занял во французской литературе подобающее ему место. И новый договор дал покойному писателю свободу и обезпеченность.

Для фактического разрешения вопроса мы просим принять наших уполномоченных: Н. Г. Гарина-Михайловского и Н. П. Лешова.

Гарин Николай
Лешов Николай
Моравин
А. С. Шенников
А. С. Сергеевич
С. Толкачев

Суд. Чехов
Петр Комаров
В. В. Вильямс
С. Шенников
А. Лешов
М. Гарин
А. С. Шенников
С. Шенников
С. Шенников

лицо. Но если, по вашему соображению, Алексею неприятно будет чье-либо вмешательство, тогда прямо запечатайте и пошлите ему вместе с рассказом. Это будет последняя моя попытка не дать восторжествовать над людьми бессмыслице, и, надеюсь, Алексей поймет ее надлежаще.

Вы очень обрадовали меня, передав в письме его слова обо мне². Без этого я не стал бы ему писать, хотя — вернее... написал бы. Не могу вместить, чтобы хороший человек так относился ко мне, и никогда не вmeshу. И если суждено мне будет потерять Алексея — это будет для меня несчастьем непоправимым — как счастьем была встреча с ним. Не вижу необходимости скрывать это <...>

В сущности, вы раньше Алексея должны были порвать со мной — помните, спектакль, который я устроил для вас? Боже мой! Всю жизнь боролся я с этим врагом, водкою, отнял он у меня здоровье, силы, много души и наконец друга — как раз в то время, когда постепенно начал побеждать я и уже стоял на перепутье к трезвости. Сам того не ведая, Алексей оказал мне услугу, быть может последнюю, но зато и самую крупную, ибо, когда начинает водка отнимать уважение честных людей, то это уже не болезнь, хотя бы серьезная, а вопрос жизни. *Vae victis!* *

Автограф. АГ.

¹ См. Переписка, № 83. — Отношения между писателями на этот раз скоро наладились (см. следующее письмо № 49).

² Это письмо Пятницкого к Андрееву неизвестно.

49. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

<Москва. 4 ... 6 октября 1903 г.>

...«Василий Фивейский» только еще на половине, и когда я его кончу, черту известно лучше, чем мне. Отдан он мною в сборник Горькому, и я уже в отрывках читал его этому самому Горькому¹ (с которым к великой моей радости я совершенно примирился).

ЛА, вып. 5, стр. 105. Датируется по времени окончания рассказа «Жизнь Василия Фивейского», а также примирения Горького с Андреевым.

¹ Отзыв Горького о рассказе — см. в разделе «Горький об Андрееве», № 27.

50. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Москва. 6 ... 7 октября 1903 г.>

...Гороплюсь сообщить вам новость, которая вас порадует: мы с Алексеем помирились или, как бы это сказать — вернулись к старому. Во вторых, я написал ему всё по чистой совести, в среду получил от него телеграмму¹ — милый человек! — а вчера он был у меня и будет сегодня.

Как я счастлив, вы, особенно вы, можете легко понять...

Автограф. АГ.

Датируется на основании аналогичного письма Горького к Е. П. Пешковой из Нижнего-Новгорода от 8 октября 1903 г. («Архив Горького», т. V, стр. 87).

¹ Эта телеграмма Горького Андрееву неизвестна.

51. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Москва. 9 октября 1903 г.

...Как выяснили мы в разговоре с Алексеем, в нынешнюю зиму выпустить второй том не придется, нет материала¹ <...>

Так вот: могу я прожить <...> до второго тома или до драмы, которую решили мы (твердо) писать с Горьким?²

* Горе побежденным! (лат.).

Ближайшие три недели буду работать над «Фивейским»; а потом приеду <...> Читал я отрывками Алексею: замыслом он очень доволен, говорит, самое большое из всего, что написал ³...

Автограф. АГ.

¹ О втором томе своих «Рассказов» Андреев писал Пятницкому 1—2 ноября 1903 г.: «В конце ноября приеду в СПб., мне хочется пожить у вас с Алексеем и тогда потолкуем о втором томе» (АГ).

² Драма «Астроном». Осуществить эту коллективную работу Горькому и Андрееву не удалось (см. о ней — Переписка, № 102).

³ В письме к Пятницкому (без даты) Андреев сообщал: «Бешено заканчиваю рассказ. Пришлю через неделю с Горьким, или сам приеду с женой и привезу» (Автограф. АГ).

52. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

<Москва. Не позднее 4 января 1904 г.>

...Только что вернулся из СПб. Читал твой рассказ ¹. Горькому понравился, и в одном месте сей нелепый человек прослезился.

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 286.

¹ Имеется в виду рассказ Серафимовича «Заяц», напечатанный в 5-м сборнике «Знание». Андреев читал его на «Среде».

53. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Москва. Начало февраля 1904 г.>

...Пожалуйста, передайте прилагаемое письмо Алексею, когда увидите с ним. На почту я не особенно рассчитываю ¹.

<...> Беспокоит меня Алексеев ревматизм, ничего он, должно быть, с ногой не делает, и это может кончиться скверно...

Автограф. АГ.

Датируется началом февраля 1904 г., так как в этом письме Андреев говорит о появлении первого сборника «Знание», вышедшего в январе 1904 г.

¹ Вероятно, имеется в виду письмо от 6...7 февраля 1904 г. (Переписка, № 90). Андреев намекает на массовую перлюстрацию писем, практиковавшуюся в то время.

54. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Москва. 7 ... 8 марта 1904 г.>

...Давно не получаю вестей от Максимыча. Где он?

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого: «Получ. 9 марта 1904 г.».

В течение января—июня 1904 г. Горький, уехав из Нижнего-Новгорода, побывал в Москве, Петербурге и Сестрорецке. Из письма Андреева к Пятницкому от 10—12 апреля 1904 г. видно, что он еще длительное время не получал вестей от Горького: «Если найдете минутку свободная, черкните,— просил Андреев.— А то ни о вас, ни о Максимыче ни слуху, ни духу» (Автограф. АГ).

55. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Москва. 21 ... 25 марта 1904 г.>

...Двадцатое минуло, и финансы мои настолько мизерабельны, что даже «Весов» Максимычу выслать не могу ¹. Поклонитесь ему от меня и скажите, что над карманом моим тяготеет жестокий и загадочный Рок ².

Автограф. АГ.

¹ В ряде писем Горький просил Пятницкого и Андреева высылать ему журнал «Весь» (см. Переписка, № 92).

² Шутливая реминисценция начала «Жизни Василия Фивейского» (ПССА, т. III, стр. 20).

56. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Ялта. 10 ... 12 мая 1904 г.>

... Действительно, творится какая-то всероссийская чепуха. Можно осатанеть от злости, живя в этой проклятой России, стране героев, на которых ездят верхом болваны и мерзавцы. Если война не закончится революцией, то наступит такая черная, глухая, беспросветная реакция, от которой на стену полезешь. Сажу я здесь, спиной к России, и чувствую, как она там стонет, рычит, дичает, воет с голоду, с тоски, с бессмыслицы. Самодержавная бессмыслица — кошмар, а не жизнь <...> Жду Максими-ча¹...

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого о получении «15 мая 1904 г.»

Настроение Андреева в период подготовки революции 1905 г. характеризуется следующими строками из того же письма к Пятницкому: «Серьезно, очень хотелось бы знать, как отразилась война на „знаниевских“ делах. Не думаю, однако, чтобы застой был продолжительным. Отпадет случайный читатель, тот, что еще привыкает только к книжке и колеблется на границе бульварного романа и серьезной беллетристики, и серединный интеллигент настолько уже обескультирен, что долго оставаться дикарем и глазеть хотя бы и патристическими очами на резню и убийство — не может. Одно верно: мне, Скитальцу, Вересаеву и многим другим придется делать свою литературную карьеру почти сызнова — глубоко уйдет в прошлое то, что было до войны. И читатель будет новый, и требования у него будут новые, и песни ему нужно петь новые, и благо тому, у кого есть слух и голос. Очень для многих из нас, еще во цвете лет сущих, — начинается уже история. Конечно, какая будет война — ежели простая драка, так и говорить о ней нечего, но если нас будут долго и серьезно колотить, слово мое сбудется. И тем, кто от жизни, — будет сладко, а тем, кто от смерти и разрушения, как я, — придется солоно. Когда теперь я читаю о падении российских выигрышных билетов, мне кажется порою, что это не билет упал на целковый, а я — мы — чёртов сыны».

¹ Горький приехал в Ялту лишь 7 сентября 1904 г., Андреев же уехал оттуда в июне.

57. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

<Ялта. Июнь 1904 г.>

...С рассказом о царе, видимо, вышло недоразумение. Горькому рассказ этот не понравился: замысел он одобряет, но исполнение ругает, и я в значительной мере с ним согласен¹.

Как иногда случается, я хотел написать простенький, маленький и дешевенький рассказ, — чтобы отдохнуть, — но залез в трясину и получилось: взрослый человек в курточке ребенка <...>

Напишите, если удосужитесь, как понравились вам «Евреи» Юшкевича. Я сильно расхожусь в оценке Юшкевича с Горьким² и некоторыми другими приятелями, и мне очень хотелось бы услышать беспристрастный голос со стороны...

«Утро», кн. 1, 1927, стр. 248.

¹ Имеется в виду незаконченный рассказ Андреева о царе Навуходоносоре — см. о нем Переписка, № 97. В своих воспоминаниях «О Леониде Андрееве» («Утро», кн. 1, 1927, стр. 240—252) Бернштейн приводит цитаты из этого рассказа, с которым он познакомился, будучи в гостях у Андреева.

² «Евреи» Юшкевича напечатаны во 2-м сборнике «Знание».

58. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

<Москва. Июнь ... август 1904 г.>

...Горький просит твой рассказ о мужике¹ для сборника чеховского или знаниевского по обычной сборниковской расценке <...> Последние дни пришлось хохотать до сведения челюстей и разговаривать (особенно с Горьким) до новых трещин в языке.

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 286.

¹ Рассказ Серафимовича «Заяц». См. о нем выше письмо № 52.

59. АНДРЕЕВ — В. В. КАЛЛАШУ

⟨Москва. Конец июля 1904 г.⟩

...Это очень неприятное недоразумение выросло из того, что Горький сказал мне: «Напиши воспоминания о Чехове», а я ему ответил: «Не стану писать, так как ничего не знаю».

И теперь я получаю письма и телеграммы с просьбой поторопиться представить «рукопись» в цензуру, и некоторые меня ругают, думают, что я уклоняюсь <...⟩

Но я ничего не писал о Чехове ¹. И не буду писать, так как действительно не могу сказать ничего такого, что уже не было бы известно <...⟩

Конечно, если бы у меня было что написать, я считал бы долгом и удовольствием прочесть в ОЛРС. Но уверяю вас: ничего нет...

Автограф. ИРЛИ.

Владимир Владимирович *Каллаш* (1866—1918)— историк литературы, секретарь Общества любителей российской словесности (ОЛРС).

¹ О переписке Андреева с Горьким по поводу сборника, посвященного памяти Чехова,— см. Переписка, № 114.

60. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. Сентябрь ... октябрь 1904 г.⟩

...Алексея со среды не видал. Какой-то он смутный, далекий, и очень я его люблю. Дело!...

Автограф. АГ.

61. АНДРЕЕВ — М. П. НЕВЕДОМСКОМУ

⟨Москва. Около 20 октября 1904 г.⟩

...С Миролюбовым было собеседование (Чириков, Серафимович, Скиталец, Бунин и я) и кончилось — миром ¹. Религиозный вопрос насмарку и всё по-прежнему и мы у него работаем. На днях для начала посылаю ему маленький рассказ ². Как Горький, не знаю. Но если вы и Франк (читал его о Ницше и очень мне понравилось ³) войдете в редакцию, то журнал можно будет спасти.

<...⟩ Относительно газеты ⁴ скажу то же, что и Горький, ибо та комбинация, о которой он говорил, касается также меня. Речь идет об основании в Москве новой газеты ⁵. Если устроится, то, конечно, придется целиком отдаться ей, а если нет — ваш слуга. Вопрос выяснится на днях (Горький 20-го приезжает в Москву, и на днях я напишу вам о результате), ибо тогда в свою очередь будем просить вас о том же, о чем сейчас говорите вы мне.

«Искусство», 1925, № 2, стр. 266—267.

¹ О конфликте писателей-знаньевцев с Миролюбовым — см. Переписка, № 110.

² Рассказ «Вор» был отклонен Миролюбовым (ЛА, вып. 5, стр. 113).

³ Статья Франка, о которой упоминает Андреев, «Ницше и этика любви к дальнему» — в сб. «Проблемы идеализма». М., 1903.

Семен Людвигович *Франк* (1877—1950)— философ-идеалист, которого Ленин причислял к «контрреволюционным либералам России» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 361). В 1900 г. выступил с книгой «Теория ценности Маркса», где критиковал марксизм. В 1909 г. опубликовал в «Вехах» статью «Этика нигилизма». В 1922 г. был выслан из Советского Союза.

⁴ Андреев подразумевает газету «Наша жизнь», куда его приглашал Неведомский.

⁵ Андреев имеет в виду попытки Горького создать социал-демократическую газету (см. Переписка, № 118, прим. 1). В декабре 1904 г. Горький писал Е. П. Пешковой из Петербурга: «Приехал сюда устраивать седую <социал-демократическую.— А. Н.> газету, а то „Наша жизнь“ очень уж либеральна» («Архив Горького», т. V, стр. 145). Осуществить это намерение тогда не удалось. Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь» была создана только в конце 1905 г. (выходила с 27 октября по 3 декабря 1905 г., последний номер вышел уже нелегально).

62. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. Конец октября ... начало ноября 1904 г.⟩

...Очень много и очень хорошо виделся с Алексеем. Он произвел на меня прекрасное впечатление — так он помолодел и так много в нем какой-то особенной свежести. «Дачники»¹ его, по-моему, вещь неудачная, но это хорошо в том смысле, что следующую вещь он напишет *очень хорошую*.

Автограф. АГ.

¹ О «Дачниках» — см. Переписка, № 98.

63. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. 9 ноября 1904 г.⟩

...Алексей сегодня, 9-го, по его словам должен быть в Москве¹: если он оказался случайно в СПб.— передайте ему мое величайшее изумление: во 1) по поводу того, что он в СПб., а не в Москве, 2) по поводу его крайне превратного толкования слова «либерал»². А относительно пьесы скажите, что своей писать я не стану, а зато я придумал для Гамлета великолепный третий акт: Гамлет поступает в русские министерства и спрашивает:

— Бить или не бить? Если бить, то самого, пожалуй, побьют — по высочайше утвержденному образцу; а если не бить, то меня опять-таки побьют <...⟩ Скажите также Алексею, что если бы я знал твердо, что он в СПб.— я бы ему написал; если бы я знал твердо, что он в Москве, я бы к нему пошел. Но я ничего не знаю твердо.

Автограф. АГ. Датируется на основании пометы Пятницкого о получении «13 ноября 1904 г.».

¹ Горький был в Москве с 20 до 23 октября 1904 г.; в ноябре он в Москву не приезжал.

² Вероятно, Андреев имеет в виду письмо Горького от 23 октября — см. Переписка, № 116.

64. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. 4 декабря 1904 г.⟩

...Очень обеспокоился сегодня газетным известием о болезни Алексея и подумал: уходят-таки они малого. Но получил от Алексея ответ¹, что пустяки — инфлуэнца. Хорошо, если так, у меня, у самого, кстати, инфлуэнца — дрянная, московская...

Автограф. АГ. Дата поставлена Пятницким.

¹ См. Переписка, № 130.

65. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. 14 января 1905 г.⟩

...О нашем большом горе — аресте Алексея¹ и болезни Марии Федоровны² писать не стану: тут ничего не скажешь. Сегодня получил телеграмму, что Марии Федоровне лучше — хоть бы она поправилась! Вот уж придет беда <...⟩

В Москве забастовка, кажется, разгорается, хотя настроение еще не определилось <...⟩ «Среда» задумала к концу марта издать сборник с благотворительной целью; литературный материал весь соберу я, а издать она просится у «Знания»...

Автограф. АГ. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Об аресте Горького — см. Переписка, № 134.

² О болезни М. Ф. Андреевой Горький писал Е. П. Пешковой 9 января 1905 г. (XXVIII, 349).

ПЬЕСА ГОРЬКОГО «ДЕТИ СОЛНЦА» НА СЦЕНЕ ТЕАТРА В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ.
ПЕТЕРБУРГ, 1905 г.

Сцена из второго действия

Фотография

Музей Горького, Москва

66. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва. 1 февраля 1905 г.⟩

...Большое спасибо за весть об Алексее ¹. Думаю, что ничего серьезного быть не может. Единственная в своем роде агитация, поднятая в «защиту Горького» на Западе и в Америке, также несомненно сослужит свою службу. Трогательно и романтически-красиво поступили немцы ². Толстой и Алексей скоро создадут в России закон о «неприкосновенности» литератора (...)

Если еще в тюрьме увидите Алексея, поцелуйте его от меня...

Автограф. АГ. Частично опубликовано в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 87—88.

¹ Имеется в виду арест Горького 11 января 1905 г. Пятницкий поддерживал с Горьким живую связь и многим содействовал его освобождению из Петроавловской крепости.

² Газета «Berliner Tageblatt» выступила 15 (28) января 1905 г. (№ 52) с воззванием «Спасите Горького!». Воззвание подписали писатели Эрнст фон Вильденбрух, Фриц Маутнер, Пауль Линдау и др., многие редакции берлинских газет, общественные деятели и ученые. 16 января перепечатано в центральном органе немецких социал-демократов «Vorwärts». На призыв «Berliner Tageblatt» откликнулись также все организации, учрежденные в память Гете в Берлине. Под петицией подписались Г. Гаутман, Г. Зудерман и мн. др.

Под протестом против ареста Горького собрала много подписей французская социалистическая газета «L'Humanité»; среди них были имена А. Франса, О. Мирбо, скульптора О. Родена. Большая кампания в этом направлении развернулась и в Англии: в Лондоне «Воззвание» среди многих других подписали Суинберн, Дж. Мередит, Томас Гарди (см. «Новости и Биржевая газета», 1905, № 12 и 13, 14 и 16 января). Этот протест передового общества в связи с арестом Горького был отмечен Лениным в статье «Трепов хозяйничает»: «За границей началась энергичная кампания среди образова-

ного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 112). Вскоре после освобождения из крепости Горький обратился с благодарственным письмом в редакцию немецкой газеты «Berliner Tageblatt» («Архив Горького», т. VIII, стр. 176—177).

67. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⟨Москва.⟩ 5 февраля 1905 г.

...Самое главное, о чем я убедительно вас прошу — не оставляйте меня в неизвестности относительно Алексея. Почему держат его и Пешехонова ¹, когда все уже выпущены? Пожалуйста, Константин Петрович, поймите, как тяжела неизвестность — да еще при наличии всяких пугающих слухов <...> Получил от Марии Федоровны довольно обширное и веселое — шутовское — письмо ². К счастью, здоровье ее лучше, и эта самая огромная тяжесть снята теперь с души...

Выпустят скоро Алексея, и все наладится. Хотя — самое страшное, по-видимому, впереди, нынешняя весна много даст красных цветов. Люди уже потеряли власть над событиями, начали действовать стихии, и что даст революция, умноженная на войну, на холеру, на голод, — невозможно решить. А в итоге будет хорошо — это несомненно...

Автограф. АГ.

¹ А. В. Пешехонов в 1905 г. был арестован вместе с Горьким и заключен в Петропавловскую крепость за участие в депутации писателей и ученых к министру Витте с требованием предотвратить кровопролитие.

Горького задержали в одиночной камере Трубецкого бастиона дольше других, так как его обвинили в посятельстве на ниспровержение государственной власти. 12 февраля 1905 г. Горький был переведен из крепости в дом предварительного заключения, а 14 февраля освобожден до суда под залог в 10 000 рублей (их внес Пятницкий из средств т-ва «Знание») и выслан в Ригу.

² Письмо М. Ф. Андреевой неизвестно.

68. АНДРЕЕВ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

⟨Москва.⟩ 6 февраля 1905 г.

...События идут так быстро, что нет возможности ориентироваться и подвести итоги. Они в будущем, эти итоги, а сейчас ясно одно: Россия вступила на революционный путь. Не знаю, в каком виде доходят до вас события, вероятно, значительно смягченные, и знаете ли вы, что в России действительно революция. Несколько баррикад, бывших в СПб. 9 января, к весне или лету превратятся в тысячу баррикад. В России будет республика — это голос многих, отдающих себе отчет в положении дела <...>

Горький и Пешехонов еще сидят в Петропавловке ¹; за границей и в России ведется сильная агитация в пользу Горького, но результатов еще никаких ². Когда Горького арестовали, Мария Федоровна была опасно больна, почти при смерти, но теперь поправляется. Навещает Горького Екатерина Павловна (жена).

Вы поверите: ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции. Вся жизнь сводится к ней, — даже бабы, кажется, рожать перестали, вот до чего. Литература в загоне — на «Среде» вместо рассказов читают «протесты», заявления и т. п.

«Дачники» Горького оказались неудачной, слабой вещью, мелко обличительного характера. Она помещена в III сборнике «Знания», который посылаю вам без надежды, однако, что дойдет. Там же вы найдете мой «Красный смех» — дерзостную попытку, сидя в Грузинах ³, дать психологию настоящей войны ⁴. Как его пропустила цензура, — тайна Пятницкого; в подцензурных газетах даже о рассказе писать не позволяют.

Миролюбков со всеми нами, кроме Горького, помирился и Волжского бога убрал⁵. Горький, между прочим, совершенно порвал с Художественным театром и перешел к Комиссаржевской⁶...

Вересаев, стр. 405—406. — В то время Вересаев находился в Манчжурии на театре военных действий.

¹ В Отделе рукописей Ленинской библиотеки сохранился набросок воспоминаний жены Пешехонова — Антонины Федоровны, являвшейся живой свидетельницей тех событий: «В четыре часа ночи <...> пришел Алексей Васильевич, — пишет она. — Он вместе с Горьким, Анненским, Мякотинным, Семевским, Кареевым, Гессеном и Виттенбергом в эту ночь был делегатом от писателей и ученых у Витте. Они явились после настойчивых переговоров о допуске, к министру ночью с просьбой, скорее требованием отменить подготовляемое военное нападение на ожидаемую в воскресенье демонстрацию безоружных рабочих <...> По городу распространился слух, что делегацию, направленную к Витте, принимают за избранное Временное правительство и что арестованных ожидает жестокое наказание, вплоть до лишения жизни.

Слухи оказались неверными. Довольно скоро освободили пять человек, а затем и других. Упорно задерживали А. М. Горького и А. В. Пешехонова <...> Сырость в камерах начала сказываться на здоровье Алексея Максимовича и Алексея Васильевича. Они были переведены в больницу Крестов <...> В Крестах им разрешили сесть в карету и вместе с П<ешковой> и — в жандармское управление. Здесь А. В. и А. М. вызвал к себе ротмистр и сообщил им, что «они должны выехать в какой пожелают город, без права въезда в Петербург». Алексей Максимович назвал Ригу, а Алексей Васильевич — Псков <...>

Даже на короткий срок Алексею Максимовичу не позволили отлучиться. Поэтому ему нужно было спешно уведомить Пятницкого о месте своего пребывания. Один из жандармов охотно согласился это сделать и получил золотой на чай <...>

Вскоре пришел Пятницкий. В течение дня он несколько раз приходил и уходил, исполняя поручения Алексея Максимовича. Несмотря на то, что у Горького в связи с внезапным отъездом в Ригу было много забот, связанных с литературной работой, а отчасти и бытового характера, оживленный разговор у нас продолжался все время <...>

Алексея Максимовича провожало много друзей. Приехал вместе с Пятницким и маленький Максим...» (ЛБ).

² См. прим. к письму № 66.

³ Грузины — старое московское название района Грузинских улиц и переулков (Андреев жил на Б. Грузинской, в доме Шустова).

⁴ О «Красном смехе» Андреев писал Вересаеву также в ноябре 1906 г. (Вересаев, стр. 409).

⁵ Об этом — см. Переписка, № 110.

⁶ Об отношениях Горького с Художественным театром в связи с пьесой «Дачники» — см. Переписка, № 122. Горький передал ее театру Комиссаржевской, где она и была поставлена. В 1905 г. в театре Комиссаржевской и одновременно в Художественном театре шли «Дети солнца».

69. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Териоки. 8 августа 1905 г.

...Живем мы в Финляндии — дивная страна <...> Горький уже уехал в Москву <...> Максимыч очень хвалит твой последний рассказ¹, доволен только фигурой столяра, либо кого-то другого. К суждениям Максима относись с осторожностью; он стал очень прямолинеен и в некотором отношении фанатичен...

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 291.

¹ Возможно, что речь идет о рассказе Серафимовича «Среди ночи» (9-й сборник «Знание», 1906).

70. АНДРЕЕВ — Е. Л. БЕРНШТЕЙНУ

«Москва. Сентябрь 1905 г.»

...Вы правы: я жестокий обыватель. Мне нужен и хороший обед, и сон после обеда, и многое другое, без чего прекрасно обходится тот же Горький, отрицающий обывательщину не только мыслью, но и жизнью своею; но и к свинству я не способен, не способен и ко лжи...

«Утро», кн. 1, 1927, стр. 249.

Письмо Андреева является ответом на упрек Бернштейна в том, что Андреев не принял его в условленное время.

71. АНДРЕЕВ — Г. И. ЧУЛКОВУ

<Москва. Середина ноября 1905 г.>

Дорогой Георгий Иванович!

Давно хотел написать вам, но вот с полмесяца сильно хвораю и даже рзучился, кажется, говорить по-человечески. Зайцев сказал, что вы увидели дурной смысл в моем отказе видетсья с вами в тот вечер, как вы зашли ко мне. Не знаю, что сказала вам моя прислуга, но дело было так: у меня был Горький, один, и мы вели с ним, точнее, предстоял разговор, очень важный, конфиденциального характера разговор (о делах личных). На следующий день Горький предполагал уехать в СПб., так что перенести разговор на другое время не представлялось возможности. И я просил передать вам мое извинение и просьбу прийти на другой день утром — и все утро в среду я ждал вас, так как, помимо прочего, имел в виду пригласить вас на «Среду».

Очень извиняюсь, если невольно обидел вас. Я не люблю говорить на ветер и политично расшаркиваться, и вы должны верить, что к вам я отношусь с искренней, ничем не нарушаемой сердечностью. Пусть я буду не совсем согласен с тем, что вы пишете, — это не может иметь значения для наших личных отношений, как и то — как к вам относится Горький или кто бы то ни было другой. Я очень люблю Горького, но это не мешает мне иметь приятелей среди людей, к которым он относится совершенно отрицательно. А к вам, между прочим, я такого отношения с его стороны не заметил.

Очень жаль, очень неприятно, что так вышло. Я очень дорожу нашими отношениями, и если это недоразумение, в котором вина во всяком случае на моей стороне, повредит им, — будет очень тяжело.

Пишу мало, так как трудно ворочать мыслями. Но не хотелось дольше откладывать письмо.

Ваш Леонид Андреев

Автограф. ЛБ. Письмо без даты; написано, видимо, незадолго до отъезда Андреева за границу.

Это письмо Чулков не включил в сборник «Письма Леонида Андреева». Л., 1924 (там опубликовано 17 писем к Чулкову). Экземпляр книги с пометами Горького сохранился в его личной библиотеке.

72. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Берлин.> 28 ноября 1905 г.

...Как вам известно, «Дети солнца»¹ отданы в «Kleines Theater», где и «На дне», но от того Малого театра, где «На дне» имело такой колоссальный успех², остались одни стены: Рейнхард продает его вместе с пьесами, сам со своей прежней труппой действует в «Deutsches Theater»...³

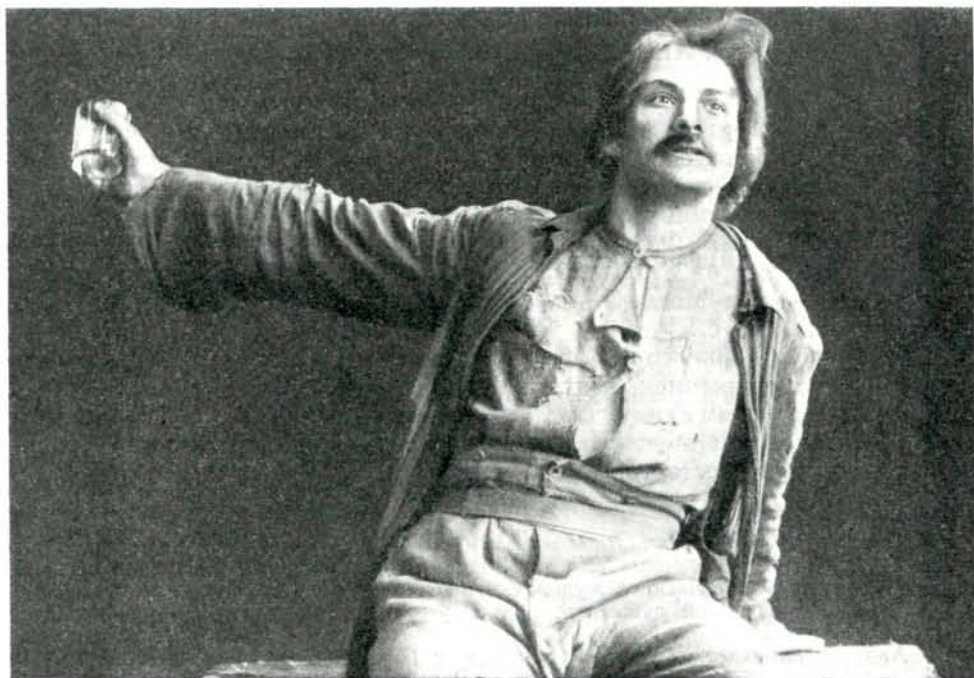
Автограф. АГ.

Это первое письмо Андреева из-за границы. Уезжая, Андреев предполагал, что едет не больше, чем на три месяца. Около 22...23 октября 1905 г. он пытался объяснить свой отъезд Пятницкому: «Жизнь в Москве становится для меня невозможной. И через участок (постоянная слежка за Андреевым полицией. — А. Н.) и другими путями (толпа, собирающаяся ночью у двери и выражающая желание „убить сволочь“ и т. п.) я получаю предостережения и уже два раза должен был перекочевывать с семьей на разные квартиры. В связи со всякими личными делами, это делает положение скверным, утомительным: мешает работать и просто жить (...) Конечно, меня будут ругать, что я „удрал“ за границу в такой момент, но все это вздор: я моменту ни на кой черт не нужен» (АГ).

В Берлине Андреев был охвачен мрачными настроениями в связи с ходом революции 1905 г. 16(29) декабря он писал Пятницкому: «Трудно думать и говорить о чем-нибудь другом, кроме героической и несчастной Москвы».

Неужели она так и будет предоставлена самой себе и пушкам? Чем-то очень тяжелым, похожим на измену, представляется спокойствие СПб.

Немцы — радуются. Как глубоко ошибался Алексей и другие, думая, что за граница — сочувствует, что за граница — сама накануне такой же революции. Социал-демократы — да, но их так мало, они так незаметны; как капля соленой воды, как слеза, они растворяются в море пресного мещанства. Почти вся немецкая печать — за двумя-тремя исключениями — радуется каждой неудаче революционеров, инспирирует, шипит. О русских делах сообщают очень мало, столько же, сколько о передвижении ихнего кайзера по Берлину, и называют их: „Беспорядки. Хаос в России“. Впечатление такое, точно сидишь в редакции „Нового времени“. Не чаю, как убраться

АКТЕР РИХАРД ВАЛЛЕНТИН В РОЛИ САТИНА ИЗ ПЬЕСЫ ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Постановка в Берлинском «Kleines Theater», 1903

Фотография

Музей Горького, Москва

отсюда. Сведения почерпая из русских газет (почти единственная здесь — „Новое время“); читать страшно. Я думал, что буря эта разразится только весной; знал бы — сил бы не хватило уехать <...> Как Горький? Как другие? (АГ).

¹ О пьесе Горького «Дети солнца» — см. Переписка, № 136.

² В 1903 г. пьеса «На дне» имела особенный успех в Германии, в частности в Берлинском Малом театре. «Стены едва могли вместить ту массу интеллигентной, избранной публики, — которая собралась 23 января смотреть новое представление новой пьесы М. Горького „На дне“, названной немецким переводчиком „Nachtasyl“ („Ночлежка“), — сообщила Э. К. Пименова. — Это первое представление русской пьесы увенчалось еще небывалым доселе успехом, какой не выпадал в Германии на долю ни одного из современных драматических писателей, германских или иностранных <...> Вся немецкая печать без различия направлений единогласно признала пьесу Горького самым выдающимся событием нынешнего театрального сезона <...> „Франкфуртская газета“ писала: „Редко можно найти писателя, который бы так смело решился перешагнуть через все традиции театральной практики и законы драматического действия, как это сделал Горький в своей новой пьесе“. Газета „Der Tag“ восторженно делилась с читателями: „Максим Горький — наименее искусный из драматургов, одержал полнейшую победу; он оставил за собой Метерлинка и Гауптмана. Он доказал самым неоспоримым образом, как мало значит техника в искусстве, и подтвердил, что поэзия, корни которой гнездятся в человеческом сердце, может снести одним дуновением,

словно карточные домики, все изощрения драматургов. Это было великою победою искусства, которое является прежде всего религиею" <...> Особенно хвалят актера Рейнгардта, игравшего философа-старца Луку...» («Мир божий», 1903, № 4, стр. 80—82). В 1904 г. Горький писал Рейнгардту: «Мои знакомые, видевшие „На дне“ в вашем театре, — восторженно отзываются об игре артистов и тонком понимании, проявленном вами в постановке этой пьесы» (XXVIII, 345).

В 1906 г. Макс Рейнгардт организовал большой вечер, посвященный творчеству Горького, на котором сам выступил с монологом Луки (на немецком языке). Горький же с огромным успехом прочитал «Песню о соколе» (см. воспоминания В. И. Качалова — «М. Горький в воспоминаниях современников». М., 1955, стр. 214—215).

³ Имеется в виду Немецкий театр в Берлине.

73. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Берлин.> 11/24 декабря 1905 г.

...Сегодня в Берлин приехал Вишневский¹ и сообщил мне между прочим, что Алексей находится сейчас в СПб. и вероятно будет жить в Финляндии. Стало быть, вы его видели и видите, напишите парочку строк, если найдется свободная минутка, как он себя чувствует, как его здоровье — и как живет Мария Федоровна. И во всяком случае — поцелуйте его от меня; через вас он этот поцелуй примет². Если узнаю, что он в СПб., напишу ему — а в Москву — писать не хочется: сколько ни пишешь, а ответа никакого <...>

Читал, что у Горького и у вас в «Знании» был обыск; вероятно, вы знаете, что перед сражением был обыск у меня в Москве, искали оружия: не везет вересаевским сундукам³, второй раз их вскрывают и перерывают.

<...> Видел в Kleines⁴ «На дне» — отвратительно поставлено, лживо по форме и по существу.

Автограф. АГ.!

¹ Александр Леонидович Вишневский (1861—1943) — артист Художественного театра; играл татарина в драме «На дне». Приезд Вишневского был вызван предстоящими гастролями Московского Художественного театра в Берлине.

Это вызвало большой душевный подъем у оторванного от России и тоскующего по ней Андреева.

² Андреев намекает на свое расхождение с Горьким (см. Переписка, № 139).

³ Речь идет о вещах, оставленных Вересаевым перед отъездом на Дальний Восток.

⁴ Малый театр в Берлине. См. прим. к письму № 72.

Когда Андреев смотрел «На дне» в Берлине, в спектакле участвовали другие актерские силы.

74. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

<Мюнхен.> 17 января 1906 г.

...«Дети солнца» в Берлине имели, по-видимому, полный неуспех¹. Не знаю, какова была постановка — газеты пишут — хорошая, но я не верю; несомненно, что в провале пьесы имело значение положение Горького в России как радикала, социал-демократа: буржуазная печать ищет лужи, в которой утопить бы его. Во всяком случае нападки не соответствуют недостаткам пьесы.

<...> Вот место, куда мог бы поехать Алексей².

Автограф. АГ.

¹ См. письмо Горького о постановке «Детей солнца» в «Kleines Theater» (Малом театре) («Архив Горького», т. IV, стр. 197), а также письмо М. Ф. Андреевой к Пятницкому от 3 марта (н. с.) 1906 г. из Берлина («М. Ф. Андреева». М., изд. «Искусство», 1963, стр. 107).

² Андреев имеет в виду Мюнхен как подходящее место для отдыха Горького. В этом же письме он положительно отзывался об этом городе, где пробыл около месяца. Оттуда Андреев направился сперва в Лозанну, затем в Глион (Швейцария), где встретился с Горьким.

75. АНДРЕЕВ — Г. И. ЧУЛКОВУ

(Мюнхен. Конец января 1906 г.)

...Какими иногда рабами самих себя, рабами слов и названий кажутся мне и Брюсов с В. Ивановым, с одной стороны, и Горький — с другой. И какие это прилежные и старательные рабы!

От последних «Северных цветов» (ассирийских), которые я увидел только теперь, пахнет потом невыносимо ¹.

И как они не поймут, что раз все они так похожи друг на друга, то стало быть один из них только прав, а остальные — лгут <...>

Вы знаете, наверно: «Дети солнца» в Берлине провалились; ругают их анафемски. По-видимому, имело значение то, что Горький — крайний, и вся буржуазная печать ищет лужи, в которой утопить бы его...

«Письма Леонида Андреева», стр. 20 и 22. Датируется по связи с предыдущим письмом к Пятницкому.

¹ В «Северных цветах, ассирийских», альманахе книгоиздательства «Скорпион» (М., 1905), помимо стихов символистов, в том числе В. Брюсова и Вяч. Иванова, были опубликованы трагедии Брюсова «Земля» и Вяч. Иванова «Тантал». Тематика альманаха была далека от современности.

Письмо написано в период начавшегося расхождения Андреева и Горького. Андреев считал (это нашло отражение в его дальнейшей переписке с Горьким), что Горький стал слишком догматичным в своих суждениях, сам же он относился к модернистам всегда отрицательно.

76. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

(Мюнхен.) 10 февраля 1906 г.

...Очень огорчает меня, что я не имею никаких сведений, кроме газетных, о здоровье Алексея. На письма ответа нет, ни от него, ни от Марии Федоровны, и если принять в расчет, что я действительно люблю Алексея и — с своей стороны — считаю его другом своим, получается очень грустно...

Автограф. АГ.

77. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

(Глион). 14 (27) марта 1906 г.

...Вот пьеса «Савва» — Горький говорит, что «Саввы» еще не было не только в русской литературе, но и в мировой — а что из того? Только и есть, что за этого «Савву», — по словам того же Алексея, — меня посадят. Ни один год не писал я так много, как нынешний, а утешений никаких. Глупо! Если бы хоть этого «Савву» удалось устроить в Берлине — да и там цензура не пропустит ¹.

Алексей взял экземпляр с собой в Америку, хочет продать его там — да не удастся <...>

Лего, по совету Алексея, буду жить под Гельсингфорсом. Он советовал и совсем остаться в Европе, но на это не хватает у нас с Шурой ни мужества — ни опять-таки — проклятых денег...

Автограф. АГ.

Письмо написано Андреевым за несколько дней до отъезда Горького из Глиона.

¹ О «Савве» — см. Переписка, № 139. Андреев отдавал себе полный отчет в цензурности своей пьесы. 4 апреля 1906 г. он писал Вл. Немировичу-Данченко: «В России она безусловно пройти не может, даже при парламенте, но на Западе, где сцена не боится религиозных сюжетов, она не вызовет такого соблазна. Вместе с тем пьеса в высшей степени нуждается в художественном исполнении. При поверхностном, тенденциозном толковании она превратится в крикливую чепуху, в „цензурную“ пьесу — нужно беспристрастие, нужен такт, нужно тонкое художественное чутье, нужна, наконец, вражда к злободневщине, чтобы сделать ее по-настоящему.

Задача пьесы, как по крайности старался я сделать, — отнюдь не агитационная. Это попытка дать синтез российского мятежного духа в различных крайних его проявлениях. С этой точки зрения центральная фигура Саввы равноценна трем другим: Царю Ироду, Сперанскому, Тухе. По цельности характера, по силе Царь Ирод, религиозный мистик, христианин, быть может, даже выше Саввы, атеиста, мистика разрушения. Как всегда, я только ставлю вопросы, но ответа на них не даю — и это должно быть ярко оттенено в исполнении.

В противоположность „К звездам“, где по существу задачи я должен был бы избежать специфически русского, „Савва“ носит характер сугубо российский — и это, пожалуй, для заграницы недурно. Вообще, в успехе вещи я уверен — хотя, по совести, почти не надеюсь видеть ее где-нибудь на сцене. Пессимист я...» («Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, стр. 385—386).

Судьба пьесы глубоко волновала Андреева. В ноябре 1906 г. он писал из Берлина Серафимовичу: «...Серафимыч! Неужели и ты не похвалишь „Савву“?(<...>) Обидно, что ни одна душа — кроме, кажется, души Горького — не понимает даже замысла!» («Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 296).

78. АНДРЕЕВ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

〈Глион〉. 22 марта 1906 г.

...Все, что я в этом году написал, уже разобрано, а писать больше не могу — устал (<...>) Это можно бы — но стоит ли, особенно после Горького? Горький сам — Красное знамя¹, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности — я революционер — но это не то революционерство, которое требуется моментом (<...>) Горький вчера уехал в Америку...

Нужна программа, нужна определенность, нужна наглость, а ничего этого у меня нет. Я даже ни к какой партии не принадлежу.

Автограф. ЦГАОР, РЗИА, ф. Амфитеатрова, № 5798, оп. 1, ед. хр. 88, л. 1. Небольшой отрывок опубликован в журн. «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 91.

¹ О журнале Амфитеатрова «Красное знамя» — см. Переписка, № 165, прим. 5.

79. АНДРЕЕВ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

〈Глион. 23 марта /5 апреля 1906 г.〉

...Моя литература? В общем вы ее знаете. Из нового — недавно закончил драму «Савва» — печальную повесть о некоем юноше, который вздумал лечить землю огнем, а его ударили палкой по голове, и от этого он умер. Не знаю, что за вещь. Читал ее одному только Горькому — ему нравится. Верно одно: нецензурна свыше всякой меры.

Горький, кстати, третьего дня уехал с Марией Федоровной в Америку. Пробыл здесь, в нашем пансионе, две недели и был мил — как только может быть мил, когда захочет¹.

Господи, как хочется не писать, а говорить, говорить! И как хочется в Россию — а не советуют, говорят, что меня обязательно посадят. Как глупо!..

Вересаев, стр. 407. Датируется по упоминанию об отъезде Горького из Глиона (21 марта 1906 г.).

¹ Жена Андреева — Александра Михайловна — писала Пятницкому о встрече с Горьким: «Неделю тому назад приехали в наш Hôtel Алексей Максимович и Мария Федоровна. Обрадовались мы им, конечно, свыше всякой меры. Алексей Максимович очарователен, каким бывает в лучшие минуты своей жизни. Вздумал было он слегка прихворнуть. Мы все очень испугались, но, к счастью, обошлось все довольно благополучно — ограничилось сухим плевроитом. Сегодня он уже ходил гулять. Леонид читал им своего „Савву“, которого Алексей Максимович одобрил. Предлагает вести пьесу с собой в Америку. Отношения у них очень хорошие. Все недоразумения как-то рассеялись, сделалось все так просто и ясно, точно никогда ничего не было...» (Автограф. АГ; письмо от 15 марта 1906 г.)

80. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Глион.〉 14 апреля 〈1906 г.〉

...Алексей Максимович советовал мне жить и лето за границей, но во всех смыслах, и в денежном, это невозможно. А в России идиотские газеты распространяют слухи, что я — эмигрант, занят собиранием денег на революцию и даже подыскивают статью, по какой судить меня. Конечно, это не мешает возвращению моему в Россию, но довольно скверно действует на близких <...〉 Как бы то ни было, в конце апреля — начале мая приезжаю в Гельсингфорс...

Машинописная копия. АГ.

Андреев вернулся в Россию в апреле 1907 г.

81. АНДРЕЕВ — В. С. МИРОЛЮБОВУ

〈Глион. 14 апреля 1906 г.〉

...Горький перед отъездом в Америку пробыл тут, с нами, две недели и мы вместе гадали: а что такое эта Америка? А она вон какая оказалась — приятная...

ЛА, вып. 5, стр. 115.

О поезде Горького в Америку и о травле, устроенной там ему и М. Ф. Андреевой — см. Переписка, № 140—142.

В нескольких письмах к брату, Серафимовичу и другим адресатам Андреев с едкой иронией говорил о «свободной Америке» и ее буржуазных нравах.

82. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

〈Берлин. Май 1906 г.〉

...Мне за граница осточертела ¹. Такая все сволочь! Читал, что проделали с Горьким в Нью-Йорке? ² Как это ни дико, но самая свободная сейчас страна — Россия даже при наличии военного положения, черной сотни, погромов и виселиц. И виселица — это и есть прямое доказательство свободы, ибо там, где все холопы, вешать некого...

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 293.

¹ В письме Андреева к В. П. Тройнову из Берлина от конца 1906 г. имеются такие строки: «Так надоела мне вся эта неметчина, и язык, и еда, и всё кругом. Тут, все, брат, инородцы, и на это следовало бы обратить внимание „Новому времени“. Русских много, но к украшению отечества они не служат — преимущественно черносотенцы. Так, вместе с нами живет одна глупая скотина, уверяющая, что жида переодеваются казаками и производят безобразия» (ЦГАЛИ).

² Об этом см. письмо Горького к Л. Б. Красину от середины апреля 1906 г. из Нью-Йорка — XXVIII, 416.

Травля Горького в Америке еще долго продолжала волновать Андреева. В письмах к брату Павлу Николаевичу он возмущается американскими «порядками»: «...с Горьким-то, а? Вот тебе и статуя Свободы!» («Русский современник», 1924, № 4, стр. 126).

В конце июля 1906 г. Андреев спрашивал Пятницкого: «Где сейчас Алексей? Хочу написать ему и положительно не представляю куда...» (письмо из Дронхейма. — АГ).

83. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Берлин. 5 сентября 1906 г.

...Этот красногвардейский митинг, на котором я, действительно, закатил сногсшибательную речь, сделал меня для местного населения притчей во языцех, и несомненно, что хозяева, например, нашей дачи — сгорали от желания предать меня в руки правосудия ¹. И если я стал у финнов бельмом на глазу, то и во мне «прекрасная Финляндия» ² вызывала настоящую и энергичную тошноту — ибо в истории всяческих предательств

Свеаборг займет не последнее место³. Это не была случайная измена, ошибка — это было массовое, неудержимое и в значительной части своей сознательное движение по стопам Иуды. Несчастная Красная гвардия, малочисленная и одинокая, сама стала жертвой предательства, и если кровью своей она закрепила союз с революцией, то эту же кровью она открыла пропасть между финским пролетариатом и всей остальной Финляндией — пропасть, которую до сих пор не замечали сторонние наблюдатели. Я говорю «всей остальной Финляндии» потому, что не только буржуа по классу, но и бесштаные финские интеллигенты были на стороне «невмешательства» в «русские дела» и палили в красногвардейцев из ружей.

Все это было до того отвратительно, до того непереносимо, что, оставаясь в Гельсингфорсе, я рисковал ошалеть от тоски и бессильной злости. Лучше уж Германия, относительно которой я никаких иллюзий не питаю, а стало быть и горько ошибиться не могу. Да и чужая она, Германия, — а с Финляндией что-то соединяло... быть может рассказы Алексея Максимыча о Галлене⁴. И, конечно, работать в Финляндии я бы не мог — а работа, большая, настойчивая, хорошая работа составляет единственную мечту мою <...>

Прочел здесь все вещи Максимыча. От американских очерков в восторге: сыро, красиво, жестоко. Хорошо! Интервью же — в общем слабы. Хороша «Франция», недурно «Король республики» («Вильгельма» не читал) и совсем плохо «Хозяева жизни», «Жрец морали» и «Русский царь». Не знаю еще, каковы «Враги», а, кажется, не особенно...

Автограф. АГ.

¹ Речь идет о митинге в Гельсингфорсе, организованном социал-демократами в июле 1906 г. после роспуска I Государственной думы. На нем активно выступили думские депутаты и Андреев. Об этом митинге были специальные секретные донесения полиции.

Так, 10 июля 1906 г. Департамент полиции телеграфно (шифровано) сообщал министру внутренних дел Столыпину: «Сегодня утром прибыли <в> Гельсингфорс депутаты Седельников, Гомартели и Михайличенко и литератор Леонид Андреев, приглашенные рабочими и красной гвардией, и явились днем <на> народное гуляние в саду „Эсперин“. Присутствовали несколько тысяч человек, в том числе свыше двухсот русских рабочих и не менее ста солдат и матросов. Депутаты и Андреев произносили речи, в которых протестовали против распускания Думы, находя это незаконным и нарушающим права народа и заявляя, что Дума добровольно не разойдется. Михайличенко обратился к солдатам, приглашая их стоять за народ. Большая часть присутствующих не понимала речей, но Андрееву была устроена овация, его носили в саду на руках. Присутствовала полиция. Народ разошелся спокойно; на улице демонстрации не было» (сб. «Революция 1905 г. и русская литература», стр. 422).

В донесении финляндского жандармского управления министру внутренних дел от 10 июля 1906 г. сообщалось: «На гулянии говорили речи писатель Леонид Андреев, депутаты Государственной думы Михайличенко и Седельников — речи их были крайне возмутительного содержания и прямо призывали народ к вооруженному мятежу, воодушевляя народ тем, что якобы на их стороне до 30 000 солдат, тоже готовых встать против царя» (там же, стр. 423).

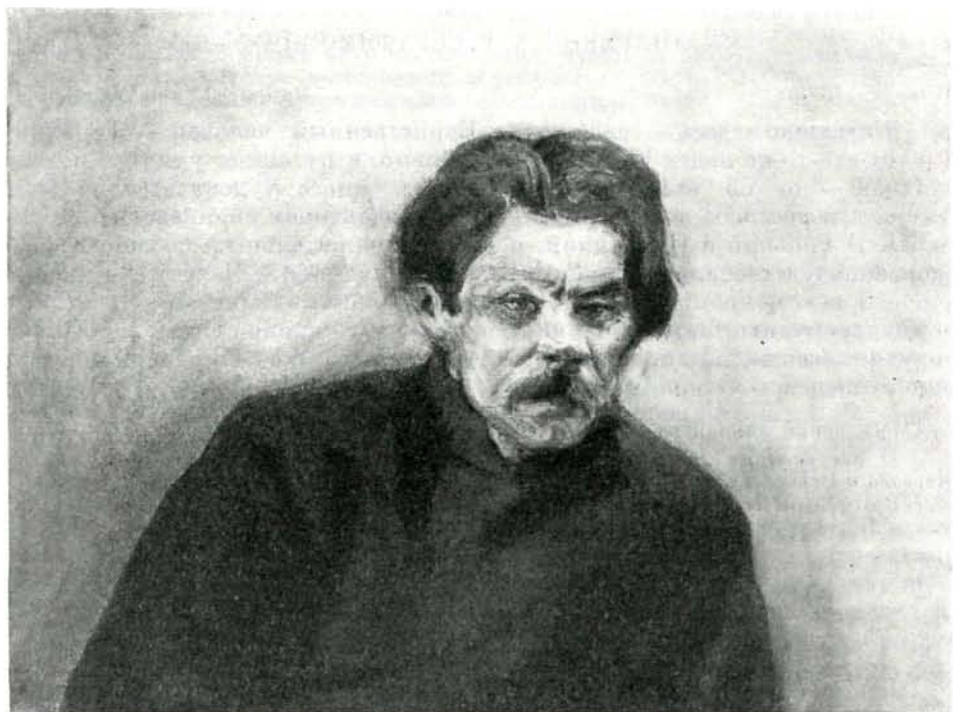
Вслед за этим донесением, в тот же день, была отправлена еще одна, тоже шифрованная телеграмма: «Вчера вечером, при отъезде из Гельсингфорса литератора Андреева и трех депутатов, их приветствовала тысячная толпа с венками и пением Марсельезы. Речей произнесено не было» (там же, стр. 423).

О митинге и о выступлении Андреева рассказывает в своих воспоминаниях Е. И. Замятин, который приводит такую фразу из речи Андреева: «Падают, как капли, секунды. И с каждой секундой — голова в короне всё ближе к плахе. Через день, через три дня, через неделю — капнет последняя, — и, громыхая, покатыся по ступеням корона, и за ней — голова...» («Книга о Л. Андрееве», стр. 109).

² По аналогии с сатирическим очерком Горького «Прекрасная Франция» (VII, 64—71).

³ Восстание матросов в Свеаборге в 1906 г., поддержанное финскими рабочими, потерпело поражение из-за предательства финских социал-демократов (см. статьи Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата» и «Перед бурей» — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 89—109 и 113—116). О финских событиях Андреев писал и Горькому. См. Переписка, № 144.

⁴ Знакомство Горького с Акселем Галленом-Каллелла (1865—1931) — выдающимся финским художником демократического направления относится к 1890-м годам. Тогда Горький не оценил своеобразное творчество художника. Лишь позже, познакомившись с его творчеством ближе и с ним лично, Горький отнесся к нему восторженно. В письме к Е. П. Пешковой от конца января 1906 г. Горький называет Галлена «великим художником» (XXVIII, 408). Во время пребывания Горького в феврале 1906 г. в Финляндии, Галлен писал его портрет. Горький очень подружился с Галленом (см. их совместную фотографию в «Летописи», I, стр. 583); ему особенно импонировала правдивость мужественного искусства художника (см. письмо Горького к Л. А. Никифоровой, где он характеризует Галлена, как одного из «изумительно талантливых

ГОРЬКИЙ

Портрет маслом Акселя Галлена-Каллела, 1906 г.
Музей «Атенеум», Хельсинки

людей» — XXIX, 102). Всегда сдержанный в обращении с людьми, Горький писал Галлену в 1907 г.: «Дорогой мой, мой любимый Галлен» (впервые: «Новый мир», 1928, № 4; письмо воспроизведено по фотоснимку, сделанному финляндским жандармским управлением). Подробнее об этом см. в статье: А. А. Амбус. М. Горький и А. Галлен-Каллела. — «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», № 65, 1958, стр. 93—119, а также статью того же автора «Горький и финские художники» — в сб. «Горький и художники». М., «Искусство», 1964, стр. 261—279.

84. АНДРЕЕВ — Е. Н. ЧИРИКОВУ

⟨Капри.⟩ 10 января 1907 г.

...Горький очень милый, и любит меня, и я очень люблю — но от жизни, простой жизни с ее болями он так же далек, как картинная галерея какая-нибудь. Во всяком случае, с ним мне приятно — хоть часть души находит удовлетворение <...> Остальное же, что вокруг Горького, только раздражает <...>

Написал Алексей большую вещь: «Мать». Первая часть великолепна, единственное в своем роде; вторая — слабо. А в общем — значительно. Точно сам народ заговорил о революции большими, тяжелыми, жестоко выстраданными словами.

«Враги», конечно, плохо...

Автограф. ГПБ. Частично опубликовано в журн. «Вопросы литературы», 1960, № 6, стр. 163—164.

Андреев приехал на Капри после смерти жены по настоятельной просьбе Горького.

85. АНДРЕЕВ — А. С. СЕРАФИМОВИЧУ

Капри. 22 января 1907 г.

...Житьишко здесь — неважное. Единственный человек — Горький, да и тот что-то не ладен¹. Сузился он сильно, и путаница у него в мозгах изрядная — но об этом нужно говорить много и доказательно <...> С осени я переезжаю в СПб. и становлюсь редактором знаиьевских «Сборников». И Горький и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно <...> И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика <Зайцева. — А. Н.> — сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало <...> А пока сооруди к осени <...> хороший, самый лучший рассказ. В сборнике будут только шедевры — понимаешь?²

«Московский альманах», кн. I, 1926, стр. 299.

¹ О настроениях Андреева и отношениях с Горьким на Капри — см. письма Андреева к Вересаеву 1906—1907 гг. (Вересаев, стр. 410—411 и далее, № 88).

² История несостоявшегося редактирования Андреевым сборников «Знание» освещена в Переписке, № 151.

86. АНДРЕЕВ — Е. Н. ЧИРИКОВУ

<Капри.> 8 февраля <1907 г.>

...Я кончил вчерне «Иуду Искарюта», вещь, за которую будут ругать справа и слева, сверху и снизу. Горький говорит, что вещь большая, но я этого не думаю, так как просто знаю, что нет. Алексей же просто увлекается. Господи! до чего искренне и горячо любит он литературу, до чего мало он себялюбив в этих случаях...

Автограф. ГПБ.

Почти в тех же словах Андреев писал тогда же брату Павлу Николаевичу: «Окончил с трудом „Иуду Искарюта“. Горький и другие находят рассказ очень значительным, даже больше того. Не знаю, по-моему, — слабовато...» (ИРЛИ).

87. АНДРЕЕВ — В. В. МУЙЖЕЛЮ

<Капри.> 28 февраля <1907 г.>

...В редактирование сборниками я вступаю только с осени; теперешние же сборники составляются целиком Горьким и Пятницким, и кажется материал набран вплоть до осени. Если вы не особенно торопитесь печатать вашу большую вещь и согласны подождать до сентября — октября, то, конечно, очень буду рад. Присылайте тогда ее ко мне, и я немедленно прочту, поговорю с товарищами и дам ответ. Не задержу. Некоторое, хотя и несущественное, препятствие может представить размер. У нас на каждый сборник в распоряжении листов 20—22, и было бы желательно дать место большему количеству авторов...

Автограф. Частное собрание (Москва).

Приняв предложение Пятницкого редактировать сборники «Знания», Андреев 17 января 1907 г. обратился с письмом к Муйжелю. «С осени текущего года,— писал он,— я вступаю в заведывание редакцией сборников „Знания“. С большим интересом следя в журналах за вашими произведениями, я очень просил бы вас дать нам какую-нибудь из ваших вещей для первого осеннего сборника. Единственное обязательное условие — вещь должна быть художественна. Делаю это напоминание — для вас, впрочем, совершенно лишнее — потому что некоторые из товарищей писателей считают сборники „Знания“ тенденциозными...»

В связи с различным пониманием задач сборников Горьким и Андреевым (см. Переписка, № 150—152) последний отказался от редактирования их. В письме к Муйжелю 18 августа Андреев сообщил, что, несмотря на краткое пребывание в роли редактора, он все же «ухитрился выдать авансы Зайцеву, Чулкову, Серафимовичу. Но теперь, особенно после отказа от редактирования, чувствую полную невозможность продолжать узурпаторскую деятельность...» (там же).

Муйжель принимал участие в сборниках «Знания».

88. АНДРЕЕВ — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

⟨Капри. Начало марта 1907 г.⟩

...Вам бы я рад был бесконечно, и тут вы увидели бы, что по-прежнему, крепко и хорошо люблю я вас. Моей мрачности не бойтесь. Я хороню ее в душе глубоко, а в жизни — все такой же, пожалуй, как и был. Разве немного, немного хуже. И с вами мы предприняли бы ряд всевозможных экскурсий — по морю и по суше. <...⟩ Конечно, присутствие здесь Горького для вас особенной цены не имеет, но изредка хорошо повидаться и с Горьким. Я вижу его часто и с большим удовольствием. Видел бы еще чаще, если бы... но об этом можно говорить, а не писать.

О себе говорить не стану много. Для меня и до сих пор вопрос — переживу я смерть Шуры или нет,— конечно, не в смысле самоубийства, а глубже. Есть связи, которых нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души. И для меня отнюдь не праздный вопрос, не пустячное сомнение — не похоронен ли вместе с ней Леонид Андреев. Работал я тут. Трудно было вначале невыносимо,— как для маньяка, одержимого определенной идеей, видениями, снами,— писать о чем-то совершенно постороннем. Но преодолел — частью из упрямства, частью, чтобы оправдать собственное существование; однако добился к стати и жестокой бессонницы, головных болей и пр. Сейчас, кажется, проходит, по крайней мере, вот уже две ночи сплю.

И рассказ кончил. «Иуда Искарот и другие» — нечто по психологии, этике и практике предательства. Горький одобряет, но я сам недоволен <...⟩

Пятницкому я сказал, что вы не получаете ответов, и он был очень обеспокоен. Вот,— как ни странно вам это,— единственный человек на Капри, с которым можно говорить по душам. Горький — тот, как хорошая книга с заранее определенным содержанием или картинная галерея. За сверх- или поверх-человеческим просто человеческое от него ускользает, он его не видит, не чувствует, не знает. От этого при всем своем уме, благородстве, чистоте душевной он иногда бывает ниже человека — и как раз в те минуты, когда думает, что выше...¹

Вересаев, стр. 410—411. Вересаев прожил на Капри у Андреева около месяца (см. его воспоминания об этом периоде — там же, стр. 395—421).

¹ В этом же письме к Вересаеву имеются строки, свидетельствующие о тяжелом состоянии Андреева после смерти жены. За два месяца до отправки письма Вересаеву Андреев писал В. П. Тройнову: «И одиово очень,— среди этих пальм, итальянских песен, лазурных волн. И море не радует. И забвенье не приходит. Да, тяжело обрушилась на нас с тобою судьба <...⟩ А душа у меня еще старее, выжженная, опустошенная, ограбленная жизнью. Было одно, да и то отнято — спокойно и просто. Забвенья нет, и все сильнее болит душа — так болит, что хочется уйти в темный подвал и еще глубже и еще глубже...» (31 декабря 1906 г.— ЦГАЛИ).

89. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

(Москва.) 13 декабря <1907 г.>

...Долго не отвечал, так как занят был болезнью сердца и репетициями «Жизни человека». Вчера наконец спектакль прошел, и сегодня первый вечер имею возможность посидеть дома.

Дело обстоит так. После вашего отказа взять «Царь-Голод» я отдал его «Шиповнику», на условиях, о которых я говорил раньше. Пять тысяч (почему именно пять, а не десять, я скажу ниже) я уполномочил его внести в кассу «Знания». «Проклятие зверя» я отобрал у «Шиповника» и передал в сборник «Земля», Бунину, взамен «Любви студента», которую вследствие нездоровья написать к назначенному мною сроку не мог. Не будь этого обязательства, я отдал бы его в «Знание». Теперь, когда дело сделано, я выражаю свое искреннее изумление, почему вы (а равным образом Алексей и Мария Федоровна, ибо только ожиданием от них ответа я объясняю ваше длительное молчание) отказались от «Царя-Голода». Условия были очень удобны (я всячески шел навстречу «Знанию»): пять тысяч сейчас, а пять в феврале. Если вы не хотели уступить «Шиповнику» в выгоду для меня условий, то остальные пять тысяч вы могли обратить на погашение аванса. Как я, так и товарищи, с которыми я советовался, бессильны понять мотивы вашего отказа. Не 25, а всего 5 тысяч вам нужно было немедленно вынуть из кассы.

Теперь перейду к авансу, к вопросу важному, от решения которого зависит тот или иной характер наших отношений.

В декабре я оставался должен «Знанию» — около 2-х тысяч. Потом в мае взял 400—2400. В июне и июле я взял у Боголюбова в долг 4000 рублей плюс 2000 (кажется так) — 6000 рублей. Еще раз настойчиво повторяю, что это был не аванс под ближайшие вещи, а именно долг. Аванса я уже потому не стал бы брать, что деньги за написанные вещи я имел в виду получать наличностью, чтобы обратить их на стройку дачи. Что Боголюбов не имел права давать деньги в долг, это касается только ваших с ним отношений — я же брал только в долг. Тот же «Шиповник» предлагал мне в это же время нужную сумму, и именно в долг, а не как аванс. Неужели же я мог быть столь наивен, чтобы отказаться от долга, срочного долга и предпочесть ему удавку, какой является всякий аванс, где бы он ни был взят, под ближайшую вещь. Таким образом, в какую бы графу «Знание» ни заносило этих денег, я считаю их только долгом и только долгом.

Конечно, как долг вы можете потребовать от меня эти деньги немедленно (срока уплаты у нас никакого назначено не было). И пять тысяч я вношу. Остальные же пять тысяч я прошу оставить за мной как обычный долг писателя издательству. В «Знании» издается моих четыре тома, а это, полагаю, в достаточной степени гарантирует издательство. Если же это невозможно, то я принужден буду, уплатив «Знанию» немедленно остальной долг, передать книги в другое издательство, которое согласится одолжить меня необходимой для уплаты «Знанию» суммой. Этим, конечно, определяются наши отношения <...>

В окончательном результате мои предложения складываются так: или — я останусь должным «Знанию» 5 тысяч, получаю ежемесячно по-прежнему 600 рублей и остаюсь его сотрудником, или же — уплачиваю весь долг и беру книги. Предложения мои я нахожу совершенно естественными. Ни одно издательство, имеющее у себя четыре тома Андреева, не потребует от него уплаты 5 тысяч аванса, сумму относительно настолько небольшую, что ее можно считать только известной гарантией в пользу писателя. Если же издательство (и «Знание» особенно) потребует уплаты, то это может свидетельствовать только о его нежелании продолжать отношения.

Теперь мне хочется расценить еще одно обстоятельство. Мой весь аванс — 10 000 рублей с небольшим. 6000 долга плюс 2400 прежнего аванса — 8400. Откуда же взялись остальные 2000? Очевидно они создались от получения мною жалованья в 600 рублей. С тех пор, как мы считались, прошло 10 месяцев, следовательно, жалованье — 6000 рублей. Если вычесть 2000 долга, окажется, что за все это время мой доход равен четырем тысячам. За это же время я дал «Иуду» (около или больше 2000 рублей) — таким образом, выходит, что четыре моих тома за десять месяцев всего 2000 рублей.

Не находите ли вы, Константин Петрович, что это чрезвычайно мало и лучше всех моих доказательств показывает, что книги в «Знании» распространяются действительно слабо и ненормально. Как я уже говорил вам, я не могу допустить мысли, чтобы при той всероссийской критической рекламе, которая раздувает меня, при шумном шествии «Жизни человека» по всем весям и градам, вплоть до Коканды и Бухары — подобное слабое распространение книг было нормальным.

Уверяю вас, что и до сих пор о выходе моего четвертого тома почти никто не знает, даже журналисты — почему-то он долго не был разослан редакциям «для отзыва». И когда говоришь «четвертый том» — все удивляются и спрашивают: а разве он вышел?

Проверьте сами, Константин Петрович, цифру распространения моих книг и вы увидите, что она, правда, несоразмерно мала — вопреки законам божеским и человеческим.

Если получу от вас добрый ответ, то, конечно, останусь вашим сотрудником и не только на словах.

В феврале, если буду здоров, постараюсь дать вам вещь (или вещицу) на обычных, конечно, сборниковских условиях. Отдельно, кроме «Царя-Голода» и других пьес этой серии, я ничего пускать не буду и от всякого повышения гонорара (как мне уже предлагали) отказываюсь. Очень противно то, что сейчас творится на почве гонорарной конкуренции.

Но не заподозрите ли вы и меня в корыстолюбии, как заподозрили чистоту моих отношений к Горькому? Это будет напрасно. Отдавая «Знанию» «Царь-Голод» за сумму на 5 тысяч меньшую, чем «Шиповнику», я ясно показал, что отнюдь не корыстолюбие является моим двигателем.

Вообще, пожалуйста, ни в чем не подозревайте меня. По-прежнему люблю я вас, а этого Алексея, пожалуй, еще больше, чем прежде, — и если уж говорить про обиду, то обиженным чувствую себя я, с ног до головы.

Где Алексей? Куда ему писать?

Дружески жму вашу руку.

Ваш Леонид Андреев

Если я остаюсь в «Знании», то, пожалуйста, переведите сюда 600 рублей за декабрь: я их еще не брал, не зная, что готовит грядущий день.

Адрес: Лоскутная гостиница на Тверской. Если вздумаете ехать в Москву, уведомьте, а то можем разехаться.

Автограф. АГ.

Письмо по существу своему целиком обращено к Горькому. Речь в нем шла о возможном переходе Андреева в издательство «Шиповник». Поводом для этого послужило и то, что Горький резко отрицательно отнесся к последним произведениям Андреева — «Тьма» и «Царь-Голод» и не выражал желания печатать его новые произведения в «Знании», и то, что он одобрил статью Луначарского под названием «Тьма», глубоко задевшую Андреева (см. Переписка, № 157).

Судя по письмам Андреева к Пятницкому и переписке последнего с Боголюбовым, «Знание» угрожало взыскать с Андреева по неоплаченному векселю, как только стало известно его намерение отдать в «Шиповник» свои новые произведения. В письме от 14 сентября Андреев доказывал Пятницкому, что договор с «Шиповником» — кабален и что он вынужден был вступить в переговоры с ними только потому, что «Знание» отвергло его произведения (АГ).

Желая возместить долг (2000 р.), Андреев предложил «Знанию» свою новую драму «Любовь студента» (позже названную «Дни нашей жизни») и поставленную во многих театрах России). Пятницкий сообщил об этом Горькому в лояльных тонах, видимо, стремясь ликвидировать конфликт. Горький сначала категорически отказался принять пьесу и ответил 9 октября 1908 г. на телеграмму Пятницкого, отправленную накануне: «Андрееву следует отказать». Но пьеса все же была напечатана в 12-м сборнике «Знания».

Конфликт Андреева с «Знанием» затянулся надолго. Так, еще 28 июля 1909 г. Андреев в письме к Пятницкому снова выражал свое недоумение по поводу угрозы руководителей «Знания» взыскать с него долг по векселю; на складе «Знания» находилось 4000 экз. книг Андреева — достаточная, по его мнению, гарантия кредитоспособности автора.

Вскоре после заключения сделки с «Шиповником», Андреев вынужден был вновь продать свои сочинения издательству «Просвещение», Н. С. Цейтлину; ему же он передал право выкупить свои книги, залежавшиеся на складах «Знания» (см. Переписка. № 158).

В обращении к Пятницкому от 7 января 1910 г. Андреев, упоминая уже о 6000 экз. книг, задержавшихся на складах «Знания», которые надо было выкупить, заканчивал свое письмо следующими словами: «...я приношу „Знанию“ мою искреннюю благодарность за бескорыстную и дружескую поддержку, которую оно оказало мне в первые, наиболее трудные годы моей литературной деятельности» (АГ).

90. ИЗ ИНТЕРВЬЮ

⟨Середина февраля 1908 г.⟩

...Леонид Андреев считает молодежь настолько идеалистичной, что не думает, чтобы она восприняла в этих произведениях ¹ только грязное, он думает напротив, что она возьмет только чистое, но современные условия русской жизни могут, конечно, сделать многое, почему ручаться нельзя.

Действительность так исковеркала жизнь, так изломала все хорошее и так много создала и создает скверного, что приходится только удивляться.

Прокатилась с треском и шумом революционная волна и затихла, не сокрушив на своем пути ни одной капитальной стены, сделала только надломы и трещины во всех областях человеческой жизни. Явление одиноких — есть одна из трещин в области наших предрассудков и условностей, молодежь же пытается пробить брешь дальше в этой области; — попытку эту можно только приветствовать и не пугаться будущих последствий <...>

Уродливая действительность отражается не только на взрослых, но и на психике детей. У меня есть на глазах два примера, грустных для родительских сердец: мой сын частенько играет в солдатики, а иногда в городового, гордо исполняя его обязанность, а у Алексея Максимовича Горького так еще оригинальнее был случай: его сын со своими сверстниками отразил точнее действительность: вообразил себя жандармским ротмистром, а своих товарищей взял в качестве городских и понятых и произвел обыск в кабинете Алексея Максимовича, все перешвырвав и перерыв в нем...

Тяжелое мы переживаем время <...> Но все это пройдет, будет вновь что-нибудь потрясающее вроде 17 октября и всколыхнет жизнь. Когда это будет — трудно сказать, но это будет, и мы больше подвинемся вперед.

* * *

За молодыми писателями Леонид Николаевич предвидит будущее, а негодные наслоения, по его мнению, отпадут.

«Я убежден, — говорил Андреев, — что Анатолий Каменский впоследствии откажется от своего рассказа „Четыре“, ну и гадость, я вам скажу, этот рассказ; мы впервые его прочитали с М. Горьким в Италии на о. Капри и, прочитавши, опустили свои головы, думая, неужели русская литература ветушила на этот путь; будучи вдали от родины, не зная настоя-

щего положения вещей в литературе, — нам казалось, что русская литература гибнет, но когда я снова увидел Россию и всю нашу молодую литературу, то воспрянул духом и сказал себе: „Нет, русская литература не погибнет!“ Что касается героя „Санина“, то, по моему мнению, он очень

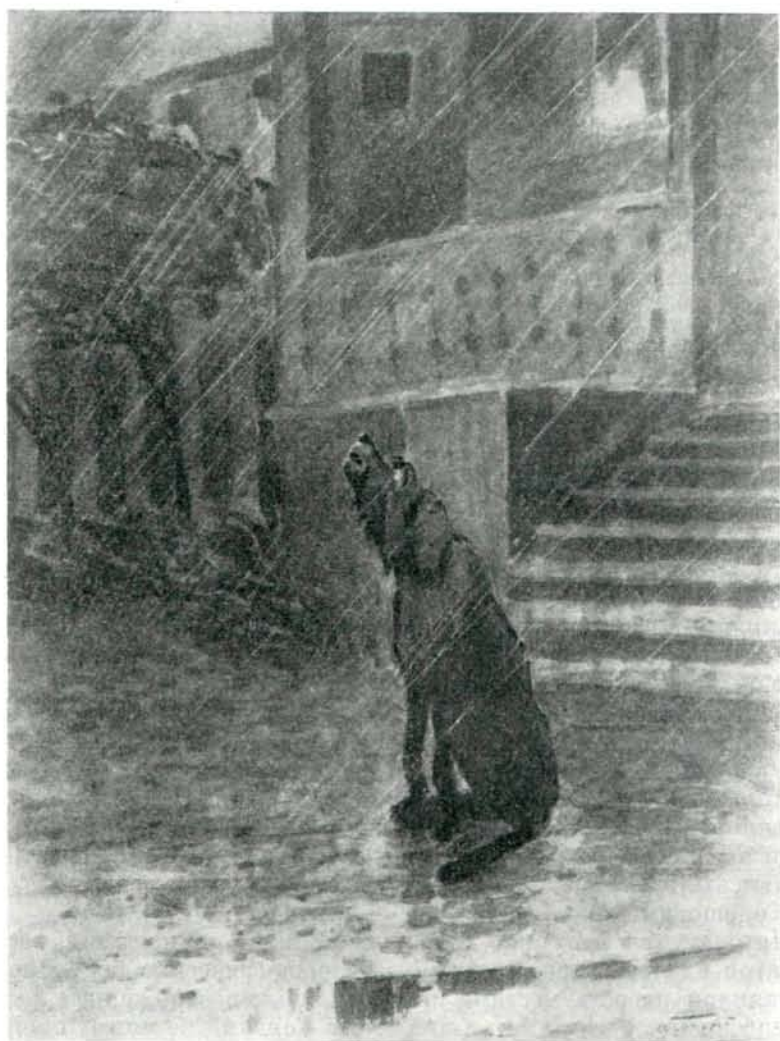

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ АНДРЕЕВА «КУСАКА»

Рисунок (тушь) А. Гольмстрема, 1908 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

не умен, а самое произведение Арцыбашева плохо написано. В „Санине“ я не вижу порнографического произведения, как многие называют, а напротив автора считаю моралистом и даже очень узким».

Коснувшись Максима Горького и его последнего произведения «Мать», Леонид Андреев находит, что этот роман очень ценный и высокохудожественно написанный; критика не сумела его оценить, но, по его мнению, к нему еще вернуться в будущем.

Интервью под названием «Л. Н. Андреев о современных вопросах» (без подписи). — «Русь», 1908, № 57, 27 февраля.

¹ Отрицательная оценка литературы, посвященной «вопросам пола» и в частности произведений Арцыбашева, Каменского и Кузмина, была высказана Андреевым также в беседе с корреспондентом «Русского слова» С. Л. Поляковым (1907, № 228, 5 октября; статья «В мире искусств. У Леонида Андреева»; за подписью «Эс Пэ»): «Заговорили об эротическом потоке в новой литературе. Л. Н. относится к нему с глубочайшим отрицанием. — На Капри, где мы жили с Горьким, бывало, в последние два года с нетерпением ждем литературных новинок из России. Получали, читали эти новые эротические произведения, и становилось как-то глубоко досадно, неловко, порою стыдно. Ходим и как-то неловко молчим, словно друг на друга дуемся за эти произведения. Ведь это что! Вопрос пола, один из самых важных вопросов жизни, — быть, может, важнейший, — трактуется чисто порнографически. И главное, что топчутся-то все на одном месте, ничего не сказав интересного и важного, ни к чему не подошедши близко, ни на йоту ничего не разъяснив. Я понимаю, прежде были слишком, может быть, односторонни: Тургенев, например, никогда не описывал ничего, кроме лица женщины. Старательно выписет лицо, а фигуры точно нет. Ну, а Арцыбашев делает наоборот. Начнет с бедер, опишет все подробно и остановится на шее. Все его герои в „Санине“ без головы. Или „Четыре“ Каменского. Что это? Я не говорю уже о Кузмине и других. Разве это любовь? В той области, которая занимает наших молодых писателей, все ясно, слишком ясно. Художнику тут нечего делать. „Заинтересованные стороны“ сойдутся отлично сами... Но я убежден, что это течение скоро отхлынет в сторону. Дело в том, что в этом направлении некуда идти далее, не впадая в убийственное однообразие, смягченное разве арифметическими вариантами в возрастающей геометрической прогрессии. „Четыре“, потом 6, 16, ну, 32. А дальше?»

Вопросы пола и любви на очереди. Но к ним подойдут иначе. Явятся, я убежден, молодые таланты, которые найдут и новые, и правдивые слова...

91. ИЗ БЕСЕДЫ с И. М. ПИЛЬСКИМ

〈Середина августа 1908 г.〉

...Это удивительный, единственный человек, — с жаром рассказывает мне Андреев о М. Горьком.

— Сколько мягкости, благородной чуткости, слуха к страданиям, как бывает слух и чуткость к музыке. Я никогда не видел ни такой любви к людям, ни такой любви к литературе. Несколько месяцев тому назад к нему пришел какой-то совсем опустившийся субъект. Молодой еще сравнительно, но развратник такой марки, что, если б опубликовать его записки или издать его автобиографию, так ахнули бы все, а герои современной литературы рядом с ним показались святыми. Пришел и стал каяться Горькому: — «все это уже в прошлом» — и рассказал всю свою жизнь. Горький возился с ним, как с сыном, и в конце концов посоветовал все-таки записать это.

— Хорошо вышло?

— Литературно недурно. Но, должно быть из желания рассказать себя, автор вдался в такие интимные и специфические подробности, что его покаянная повесть местами превратилась в восторженные воспоминания. Дело, однако, не в этом, а в том, что Горький не может пройти мимо человека, чтобы не испытать его в литературе. Только этим объясняется его неутомимость в чтении рукописей начинающих авторов, случайных, неизвестных, первых попавшихся. Никто не ищет с такой верой и страстью новых талантов, как он. Ведь это неблагодарнейший из всех трудов! Никого так не радовало, я думаю, появление новой хорошей литературной вещи или нового талантливой писателя. При этом он совершенно равнодушен к тому — свой, или чужой это, — «декадент», или бытовик, «конкурент», или нет. Помню, как в одном литературном кружке он читал кряду своего «Человека» и мою «Жизнь Василия Фивейского». «Человека» своего он прочитал запинаясь, кашляя, смущаясь. Испортил, как только мог. Начал «Жизнь» и расплакался.

Да! Горький! Это громадная душа, необыкновенное сердце! Ведь мы с ним разных, в сущности, и литературных манер и эстетических миросозерцаний. Некоторое влияние на меня он имел и мог иметь. Естественно

было бы желание перевоспитать меня, или переделать, или, по крайней мере, чуть-чуть изменить мое направление. Ведь это же происходит на каждом шагу в литературном мире, — и это подчинение, и это отсоветывание, и эти указания. Ничего подобного у Горького. Все время он умел меня только окрылять и бодрить. «Василия Фивейского» я писал долго; много работал над ним; наконец, он мне надоел и стал казаться просто скучным. Как раз приехал Горький, и я ему прочитал «Фивейского». Читаю, устал, не хочется языком ворочать, все знакомо. Наконец кое-как дошел до конца. Думаю: никуда не годится. Поднимаю голову — смотрю у Горького на глазах слезы, — вдруг он встает, обнимает меня и начинает хвалить моего «Фивейского», — и так хвалит, что у меня снова — и вера в себя, и любовь к этому надоевшему мне «Фивейскому», и так Горький со многими. Этот человек всегда считал за лучшее ошибиться в надеждах будущего, чем отвернуться от начинающего, забраковать, или осудить. Вот, кто живет настоящей верой...

Петр П и л ь с к и й. Критические статьи, т. I. СПб., изд. «Прогресс», 1910, стр. 20—22 (первоначально под псевдонимом П. Петр—в — «Новая Русь», 1908, № 1 и 2, 16 и 17 августа, в статье «Портреты тушью»).

Пильский подчеркивает в своей статье искренность Андреева и говорит: «Я не верю, что вообще мог быть такой задачник, который только задает, а решать не может, знаю, что у Андреева на большинство вопросов, — встающих в его книгах окутанными пленительной неясностью и дразнящей сугубой сложностью, — найдутся и есть ответы, и что эти ответы ясны и точны, и что ясными и точными образами и словами, положениями и характерами он мог бы их передать и читателю» (там же, стр. 31).

92. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

〈Куоккала.〉 14 сентября 1908 г.

К сожалению, вы действительно меня не знаете, дорогой Константин Петрович.

Вы совершенно правы в том, что отказали мне в отсрочке: вы предупредили, что отсрочки быть не может. Вы совершенно правы и в том, что я поставил вас в затруднительное положение. Но одного вы не поняли: что только крайность могла заставить меня взять на себя не особенно лестную роль — обременительного и злостно-наивного просителя.

К сожалению, смешали вы в одно литературу и отношения издательские с отношениями просто человеческими. Когда жена — хотя и без моего ведома, но это никакого значения не имеет, — просила вас о деньгах, то это не литератор обращался к издателю за авансом, а человек просил об услуге человека. Каковы при этом мои отношения с «Шиповником» и даже с самим «Знанием» — не должно было иметь для вас никакого значения. И когда через брата моей жены я просил об отсрочке платежа, то и здесь всякие издательские расчеты, соображения и вопросы не должны были иметь место. Вы могли — на это у вас есть величайшее право — ответить отказом, и ни одной минуты я не подумал бы упрекать вас, так или иначе выражать свое неудовольствие.

Но вы снова говорили о «Шиповнике», рекомендуя мне обратиться туда, где я работаю; вы говорили, что я ничего не даю «Знанию» и даже «враг» его; вы, наконец, ссылались на мой ненаписанный роман, о котором наболтали газеты, и спрашивали, почему я не реализую того, чего, как вам известно, не существует.

И это последнее показалось мне особенно удивительным. Правда, ко мне постоянно приезжают издатели за этим несуществующим романом, даже предлагают авансы и *удивляются*, что я отказываюсь от денег. Они не понимают, что взять аванс, это значит взять на себя обязательство во что бы то ни стало написать роман, другими словами — на свою шею художника надеть мертвую затяжную петлю. А что если роман у меня не выйдет?

А что если я совсем не стану его писать, чувствуя себя недостаточно готовым для такой большой и ответственной работы? Но то, чего не понимают они, должны были понять вы.

Конечно, вы могли с некоторым хоть и небольшим основанием ссылаться на то, что за свою услугу вы можете рассчитывать на услугу и с моей стороны — но разве я когда-нибудь отказывал в такой услуге? Даже откинув просто человеческие отношения, которых вы, очевидно, совершенно не имеете в виду — разве в отношениях издательских я объявлял себя когда-нибудь вашим врагом? Если «Царь-Голод», например, оказался в «Шиповнике», а не у вас, то не вы ли сами из боязни конфискации отказались от него, хотя я уступал его вам за 10 тысяч в то время, когда «Шиповник» предлагал мне 15. И если теперь я заключаю связывающий меня договор с «Шиповником», то ведь делал я это на глазах «Знания», которое пальцем о палец не ударило, чтобы не только выручить меня из денежного затруднения, но и просто сохранить со мною хотя бы литературную связь. Я уже говорил вам, какое значение имело в этом смысле молчание Алексея, давшее мне полное основание сомневаться даже в том, что я гожусь в сотрудники «Знания». Ведь клеймо «раба и безнадёжного мещанина», наложенное на меня «Распадом», органом социал-демократов, к которым принадлежит и Алексей, — так и осталось с меня не снятым. Разве я нуждался в каких-нибудь публичных объяснениях? — двух слов Алексея было достаточно, чтобы все поставить на свое место и оставить за Луначарским исключительное право плевать на колокольню.

Насколько при всех этих условиях я не враг «Знанию», ясно из того, что при последнем с вами свидании я сам предложил вам дать весною рассказ — помните, что говорил я вам на извозчике? — И так как обещания свои я стараюсь исполнять, то весенний рассказ и сейчас остается за «Знанием», если только появление второй книги «Распада» не закроет окончательно дверей этого издательства.

Почему-то мне всегда казалось, что вы относитесь ко мне несколько лучше и теплее, чем просто издатель к просто сотруднику; по-видимому, я ошибся в этом.

Что же касается протеста векселя, то повторяю, здесь вы совершенно правы и что бы ни было дальше, никогда не услышите от меня упрека. Скорее я готов просить извинения за то, действительно, нелепое положение, в какое я вас поставил.

<...> Так как при протесте векселя и связанной с ним огласке Алексей несомненно пожелает разобраться во всей этой истории, то я буду очень благодарен вам, если вы разрешите мне послать копию этого письма на Капри.

Леонид А н д р е е в

Жду вашего ответа.

P. S. Конечно, я постарался бы достать денег для «Знания», но сделать это сейчас совершенно бессилён: у «Шиповника» я выбрал все, что можно и даже чего нельзя, а брать «авансы» в другом месте считаю неудобным, заклад же дома может состояться не раньше как через два месяца.

Автограф. АГ. Помета рукою Пятницкого: «16 сент. 1908». См. также на эту тему письма № 89, 98.

93. ИЗ ИНТЕРВЬЮ

<Конец сентября 1908 г.>

После смерти <...> вдруг окажется у тебя такой приятель, о существовании которого ты даже не подозревал. Как после смерти Чехова один журналист, никогда, может быть, не издавший его, начал свою статью;

«А я ему говорю, — ты что же это, Антоша». Поэтому мы с Максимычем (Горьким) условились написать биографии друг друга для напечатания после смерти...

Статья-интервью за подписью Ив. Максимов, под названием: «У Андреева в Финляндии (от нашего корреспондента)». — «Одесские новости», 1908, № 7632, 1 октября.

94. АНДРЕЕВ — В. В. МУЙЖЕЛЮ

⟨Куоккала. 25 ... 27 октября 1908 г.⟩

... Ответ Горького мне не нравится, но и на это не обращайтесь внимания. Причину нерасположения к вам Горького я лично вижу в том, что вы близкий к Арцыбашеву человек и участник «Жизни»...

Автограф. Частное собрание (Москва).

Настоящее письмо, по-видимому, является ответом на письмо Муйжеля из Пскова от 19 октября 1908 г., в котором тот писал: «Летом я думал рассчитаться с „Знанием“ путем продажи ему книжки рассказов моих, но Горький ответил, что „по причинам для меня безразличным издать книгу мою „Знание“ не может“. Это, конечно, оскорбление было, нечто вроде отставки без объяснения причин, но не думайте — и верьте, верьте этому — чтоб это обидело меня: не мне обижаться на Горького, человека, которого я совершенно не знаю лично, но которого слишком уважаю за то, что он сделал...» (ЦГАЛИ).

Муйжель в этом же письме сообщал Андрееву, что не хотел давать в сборник «Знание» рассказ «Грех» (Андреев раскритиковал его, читая в Ялте). Однако он неправильно информировал Андреева: «Грех» Муйжель послал Горькому, который дал рассказу отрицательную оценку. По этому поводу Горький писал Пятницкому 15—16 мая 1908 г.: «„Грех“ Муйжеля — вещь плохо выдуманная и к тому же еще испорчена „философией“ Мережковского. „Нищий“ — антидемократичен, как и „Дача“ — как всё».

Пусть мешанский романтизм, возникающий для ради того, чтобы ликвидировать страхи вчерашнего дня, — пусть он развивается, если это суждено, — вне „Знания“. По сим соображениям я ответил Муйжелю отказом» (XXIX, 70).

В начале ноября Андреев ответил Муйжелю теплым письмом, на которое тот откликнулся восторженной благодарностью (письмо Муйжеля от 7 ноября 1908 г. — ЦГАЛИ).

95. ИЗ БЕСЕДЫ с А. Л. ЦИТРОНОМ

⟨Середина ноября 1908 г.⟩

...Заговорили о Горьком.

Леонид Николаевич сразу оживился. Его темные глаза, красиво блиставшие из-под густых бровей, загорелись, усталое лицо засветилось бодростью.

— Вы помните, я говорил вам в последний раз (летом 1907 г. — А. Н.) по поводу похоронной песни некоего критика «Конец Горького», что последнего отпевать еще слишком рано¹. И — да будет стыдно господам доморощенным критикам! — Горький себя показал и отстоял. Его «Исповедь» на меня произвела прекрасное, чарующее впечатление. Опять эта стальная, граненая, отчеканенная речь, яркие, красивые образы...

— Правда, это искание бога Матвеем изображено несколько грубо и для русского человека, потерявшего своего бога, необычно... Но этот недостаток с избытком искупается красотой в изображении всего духовного мира «незаконного человека», искренностью, неподдельной искренностью всех его переживаний.

— Нет, рано отпеваете, господа! — хочется крикнуть господам критикам: — да и вообще, бросьте вы, господа, роль могильщиков: она вам совершенно не к лицу!..

Заговорили вообще о современной критике.

Леонид Николаевич развел руками и быстрою порывистою походкою зашагал по комнате.

— Зачем идти далеко? Возьмем того же Горького. Критики-могильщики после появления «Исповеди» заговорили о поворотном пункте. — И хочется им сказать: да помилосердствуйте, господа!.. Сегодня поворотный пункт, завтра поворотный пункт...

Поворотным пунктом моего творчества была сначала «Жизнь человека», а теперь говорят о «Днях нашей жизни» как о повороте моем в сторону реальной драмы. Завтра я выпущу свои «Черные маски», и будет опять поворотный пункт, возврат к старому...

— Нет, это не критика, не та, по крайней мере, какую я мыслю: ту, что разбирает, истязает, мучит, но заставляет думать и работать над собой, исправляет, учит...

Статья-интервью за подписью И. Цитрон, под названием: «В гостях у Леонида Андреева (от нашего специального корреспондента)». — «Одесские новости», 1908, № 7680, 28 ноября. За два дня до этого в газете «Южный край» (Харьков), 26 ноября (№ 9547) был напечатан почти идентичный текст под названием «У Леонида Андреева» за подписью А. Львович (псевдоним Александра Львовича Цитрона).

Печатается нами по тексту второй статьи, более сдержанной, менее развязной по тону.

¹ О статье Д. В. Философова «Конец Горького» — см. Переписка, № 151, прим. 1.

96. ИЗ БЕСЕДЫ С А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ

⟨1908 г.⟩

... Имел ли кто-либо из больших наших писателей сильное влияние на меня как писателя? Единственным в этом смысле был Горький. Случилось так, что из-за закрытия «Нижегородского листка» подписчикам его рассылался, по соглашению редакций, «Курьер». Таким образом, первый же мой рассказ попал в руки Горького.

Однажды, когда я пришел в редакцию, мне сказали, что Горький прислал на имя одного из своих старых знакомых, кажется, Н. П. Ашешова, письмо, спрашивая, кто такой пишет под псевдонимом «Леонид Андреев». На это письмо я ответил ему лично.

Так началась переписка между нами, а несколько позднее произошло и личное знакомство. Алексей Максимович проезжал через Москву экстренно и назначил мне встречу на вокзале. Он был тогда в зените своей славы. Я помню, с каким волнением торопился на вокзал, боясь, что опоздаю, и ту первую минуту, когда увидел так знакомое по портретам его лицо, барашковую шапку и узкое пальто на высокой фигуре.

Ему я обязан бесконечно в смысле прояснения моего писательского мировоззрения. Никогда до бесед с ним я не смотрел так серьезно на свой труд и свой дар. Он первый заговорил о такой для меня сомнительной вещи, как мой талант, о моей ответственности перед этим талантом и т. д. Он первый научил меня уважать высоту писательства.

Горький посоветовал мне направить рассказ Миролюбову в «Журнал для всех». Затем появились в «Жизни» «Рассказ о Сергее Петровиче» и «Жили-были»...

А. А. И з м а й л о в. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 248—249.

97. ИЗ БЕСЕДЫ С АЛЕКСАНДРОМ ДМИТРИЕВЫМ

⟨Апрель 1909 г.⟩

... В дальнейшем разговоре с Леонидом Андреевым я поинтересовался его мнением о современной русской литературе.

— На каждом шагу слышатся теперь жалобы на упадок русской литературы. Согласны ли вы с этим, Леонид Николаевич?

— Далеко не согласен!.. Надо быть наивным, чтобы утверждать что-либо подобное. Вот позвольте по этому поводу показать одну книжечку.

Леонид Николаевич достал брошюру Мережковского: «О причинах упадка в русской литературе».

— Книжка эта, как видите, появилась в 93 году... Стало быть, и тогда уже считали литературу в упадке... Это, когда жил Чехов и появился Горький, которые, конечно, не свидетельствовали о том... <...> И при этом вечная ссылка на предшествующий период, когда будто бы литература процветала...

АНДРЕЕВ

Наброски карандашом И. Е. Репина, 1908 г.

Наверху справа рукою Репина: «1908. 28 сентября „Маски“»

Собрание Вал. Л. Андреева, Париж

Можно ли, следовательно, придавать значение крикам о падении литературы? И тем более в наши дни, когда уж безусловно не к месту слезы... И общий характер ее — та живая, энергичная работа, которая совершается теперь: создание новых форм, работа над языком и отдельные представители, наоборот, свидетельствуют о полном благополучии русской литературы <...> Мое мнение: русская литература находится в вожделенном здравии, беспокоиться за нее нечего, постоять за себя она сумеет!..

В этом случае Европа является лучшим судьей, чем мы сами, которые из-за деревьев проглядели лес.

Горький для нас теперь нуль, а для Европы?.. <...>

Спросите немца, француза, в упадке ли русская литература? И вы, наверное, получите ответ: «Помилуйте, какая же литература привлекает сейчас большее внимание, чем русская?..»

Статья-интервью за подписью Аде <Александр Дмитриев>, под названием: «У Леонида Андреева (от нашего корреспондента)». — «Раннее утро», 1909, № 93, 24 апреля. Беседа с писателем происходила в Куоккале. На вопрос корреспондента — «Довольны ли вы своей прошлой работой?» — Андреев ответил: «Для меня прошлых моих произведений не существует. Я думаю только о будущих».

98. АНДРЕЕВ — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Ваммельсуу. 4 февраля 1910 г.

Я получил ваше и М. Горького письмо от 10 января сего года ¹<...>

Как видно из моего предыдущего письма, три недели тому назад направленного на ваше имя по адресу товарищества, я не забыл предупредить «Просвещение» о том, что на складах «Знания» существуют мои книги в количестве 50 000 <здесь очевидная описка; следует: 5000.— А. Н.> экземпляров. В том же письме я просил вас согласиться на выкуп оставшихся книг по их действительной стоимости.

Не получив до сих пор ответа, я еще раз решаюсь побеспокоить вас и представить вашему вниманию некоторые соображения в пользу выкупа — хотя, быть может, и не новые, но во всяком случае не лишние.

Так как наши отношения были основаны не на праве, а на справедливости, то я откидываю в сторону все формальное и говорю просто, как просто оно само. Не преследуя корыстных целей, товарищество «Знание», во главе которого стоят М. Горький и вы, издавало мои книги и печатало мои произведения, основываясь исключительно на том, что я как писатель по духу и направлению близок к направлению «Знания»; теми же соображениями идейной близости и доверия руководился и я, издаваясь и печатаясь в «Знании».

Наш «брак» был браком по любви и как таковой существовал лишь до тех пор, пока существовала любовь. Я никогда не мог допустить мысли, чтобы «Знание», то есть Горький и вы, пожелали насильно, основываясь на формальном праве, удержать мои книги, как не могу допустить мысли, чтобы в нашей среде нашлись люди, могущие насильственно, путем хотя бы невыдачи отдельно паспорта, удержать при себе жену, которая хочет уйти.

Более того: я всегда считал себя совершенно свободным, и в отношении материальном, думал, что если материальные мои выгоды заставят перейти меня в другое издательство, то «Знание» не окажет никаких к этому препятствий. Я помню как однажды все мы: М. Горький, вы и я предприняли целую кампанию для того, чтобы выкупить у Маркса произведения Антона Павловича ². Тогда мы даже и не преследовали каких-либо идейных целей: мы только видели товарища, оказавшегося материально в невыгодном положении, и желали помочь ему. И было бы нецелесообразно допустить, чтобы «Знание», когда-то так горячо вступившее за интересы Чехова и готовое принять все меры для выкупа и освобождения его произведений (хотя на стороне Маркса были все права), — ныне пожелало удержать у себя произведения Андреява вопреки его выгоде, желанию и воле.

Мое положение таково. С одной стороны, мои выгоды (желание обеспечить для себя свободу и возможность работать только по желанию) принудили меня продать свои произведения Н. С. Цейтлину. С другой стороны, идейная связь со «Знанием» у меня давно уже нарушена. Виновником разрыва я считаю исключительно М. Горького: в то время, когда я, плохой или хороший, оставался все тем же в духе работ своих, каким был и в дни близости, М. Горький публично выступил против меня с обвинениями чуть ли не в ренегатстве. Возражать по существу обвинения считаю излишним — всю справедливость его оценит будущее. Но во всяком случае уже одного того, что глава «Знания» М. Горький столь резко и прямо выступил против меня ³, вполне достаточно для того, чтобы мне — не медля уйти из «Знания», а ему — немедленно избавить склад «Знания» от моих книг. Будь я человек богатый, я тогда же, по выступлении М. Горького, немедленно потребовал бы свои книги. К сожалению, как ни торопился я с продажей своих произведений,

только теперь имею я материальную возможность освободить свои книги, выплатив товариществу «Знание» все, что им затрачено.

Все изложенное мною, надеюсь, раз и навсегда кончит вопрос о выкупе моих книг; и дальнейшая практическая разработка условий выкупа целиком представляется мною нынешнему собственнику моих произведений Н. С. Цейтлину. Весь свой долг «Знанию» к 1 января 1910 года я уплачиваю С. П. Боголюбову и этим совершенно кончаю материальную сторону моих расчетов со «Знанием».

Ввиду моего отъезда на неопределенное время за границу благоволите ваш ответ, Константин Петрович, направить по адресу: СПб., Знаменская 7, Натану Сергеевичу Цейтлину.

Леонид А н д р е е в

Машинопись с поправками и подписью от руки. АГ.

¹ Речь идет о совместном официальном письме Горького и Пятницкого от имени товарищества «Знание», в котором был решительно поставлен вопрос о финансовых и издательских отношениях с Андреевым (см. Переписка, № 158).

² Андреев имеет в виду открытое письмо, подписанное им и Горьким по поводу материальной кабалы, в которую попал Чехов, заключив договор с А. Ф. Марксом — см. стр. 199 настоящ. тома.

³ Речь идет о статье Горького «Разрушение личности».

99. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

<Не позже конца 1910 г.>

... Как первым моментом моего сознательного отношения к книге я считаю чтение Писарева, так пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он *первый* обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно, на первый напечатанный мой рассказ «Баргамот и Гараська»), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем; и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького, исключительно верного друга литературы и литератора. Только известная сдержанность по отношению к нему заставляет меня удержаться от более горячего выражения чувства признательности и чувства глубокого, единственного уважения...

Автобиографический отрывок с высказыванием Андреева о Горьком — из сб. «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., изд. И. Д. Сытина, 1911 (книга выпущена с объявлением: «Чистый доход с этой книги поступает в пользу Литературного фонда»).

Об исключительном влиянии Горького на свое творчество Андреев писал еще в конце 1901 — начале 1902 г. чешскому писателю и переводчику Б. Прусику — см. выше, № 15.

100. ИЗ ИНТЕРВЬЮ

<Октябрь 1911 г.>

<I>

... «Бестемье», разумеется, есть. Объясняется это тем, что беллетристы отошли от основной темы русских писателей: «совесть». «Совесть» — вот тема всех произведений Глеба Успенского и других. Это коренная тема всей русской литературы... Француз, итальянец, немец — он напишет на любой занимательный сюжет, и у него всё — тема. А у нас это не подходит... Пока писали о «совести» — была тема. Но пришла революция, сме- ла всех и всё...

Однако на завтрашний день русской литературы я смотрю весело. В России много талантливых людей и много нетронутых сил <...>

Поднимается популярность Горького...

— Гонение на Горького было явлением безусловно реакционного характера. Правда, он и сам отчасти виноват. Вмешавшись в партийную борьбу, он отдал право первородства за чечевичную похлебку. Писатель не должен быть стороной в деле: он — судья! К счастью, Горький и сам выходит из этого состояния... Он — крайний индивидуалист, и было странно видеть его в такой обстановке. Вообразите короля Лира — республиканцем! Так и Горький! Он должен быть сам по себе, и тогда он на своем месте... Теперь он снова выходит на верную дорогу...

<II>

... Что касается вашего вопроса о «бестемье», которое переживает русская литература, то отчасти вы правы. Но причина не столько в современных русских писателях, сколько в свойстве русской литературы. Свойство это заключается в том, что русская литература искони разрабатывает лишь одну коренную тему. Эта тема — проблема совести. Но за последние годы литература несколько уклонилась от этой темы. Появилась экзотика, проблема пола... Литература перестала отражать действительность и ничем не отзывалась на такую бурю новых чувств и мыслей, какой явилась революция. Русское искусство вообще прошло как-то мимо этой полосы русской жизни. Максим Горький? Но он и всегда стоял в стороне от тех, кого мы называем сейчас «русской литературой».

Кстати, о Горьком. Характерно, что теперь снова пробуждается интерес к нему. Это лучшее доказательство тому, что апатия общества, его реакционное настроение проходит. И нет сомнения, что Максим Горький снова займет подобающее ему место в русской литературе, ибо гонение на Максима Горького, как и увлечение экзотикой, проблемами пола, «Санним», — всё это явления, безусловно, *реакционные*, которые *пропадут* вслед за пробуждением в обществе интереса к коренной теме русской литературы — к проблеме совести!

А интерес этот *заметно* пробуждается. И потому я бодро смотрю на завтрашний *день* русской литературы...

Первое интервью дано Андреевым журналисту М. Дубровскому, корреспонденту «Московской газеты», в 1911 г. (№ 124, 5 октября); помещено под заглавием: «У Леонида Андреева. (Новый роман Андреева. Андреев о порнографии. Андреев о Горьком)». Поводом для интервью послужил роман «Сашка Жегулев».

Второе интервью за подписью М. Г. — «Солнце России», 1911, № 49, октябрь, стр. 11; под заглавием: «„Сашка Жегулев“. Роман Леонида Андреева. (Из беседы с Л. Андреевым)».

101. АНДРЕЕВ — И. А. БЕЛОУСОВУ

<Ваммельсуу.> 18 марта 1912 г.

... Кстати: читал статью Максимыча? ¹ <...> Скапрился Горький окончательно, надел на свой российский нос, волжскую сопатку, европейские очки, и все у него в голове перевернулось...

Автограф. ЦГАЛИ.

¹ Андреев, вероятно, имел в виду напечатанную 2—3 марта 1912 г. статью Горького «О современности» («Русское слово», № 51 и 52), в которой, как показалось Андрееву, Горький задевал ранее им же одобренный рассказ «Иуда Искариот» (см. об этом — Переписка, № 165, прим. 17).

Это время было для Андреева периодом большого внутреннего разлада, неудовлетворенности, напряженной борьбы с критиками и недоброжелателями.

102. АНДРЕЕВ — А. А. СМЕРНОВУ

Ваммельсуу. 27 января 1913 г.

... Хочется о многом поговорить, о литературе и людях. Чувствуется мне, что мы близки по-прежнему; пожалуй, более близких людей я и не знаю, хоть и не видимся мы, и года проходят от встречи до встречи. Ах, дорогой Александр Александрович, какое скверное чувство унес я с Капри от свидания с Горьким. Этому свиданию предшествовала длительная и явно

Милый мой рисичек, что хз ты ни черта не пишешь? — а ли не смей твой? Хоть бы похвасталась, как здоровье Анны и как вообще это ей удалось. Интересно мне и то знать, когда ты покажешься, ибо у нас уже весна и перелетные птицы собираются. Дождь и тает, уже открылась кое-где земля, стоит сирой туман и дальнего леса не видать. Пора и курь схватить на яйца. При селю прилагаю Веркинъ неудачный портрет, но долженъ приосмыслить, что сама дѣвица съ каждымъ днемъ интереснѣе, и у насъ съ ней романъ. Я учу Савку бить ее, и вообще заранѣе ее терроризировать, дабы она, когда въ свою очередь соберется бить его, была связана въ действительн. предвзятую идею. Понимаешь, как остро? Пожми сказаннаго у Верки замѣтны актерскія способности и называю ее Гошкинъ/ Чиримовъ/.

РИСУНКИ-ШАРЖИ АНДРЕЕВА, 1911 г.

Изображены: сам Андреев, его дочь Вера и жена А. И. Андреева

Рисунки сделаны пером в письме к матери

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

безнадежная переписка, но все думалось: авось это только на бумаге так плохо выходит, а заговорит живой — и польются, как встарь, глаголы живой жизни! Но нет: заматорел Максимыч в экзотике дней своих, учительствует сухо и непрерывно и, учительствуя, имеет вид даже страшный: человека как бы спящего или погруженного в транс. Коллекционерствует, полон шкаф монет, понимает, что какая мумия обозначает, и безвольно и беспорядочно, как календарь или Брокгауз и Эфрон в сокращенном издании, источает сведения на букву Д и букву С. Строго осуждает любовь, ревность, детей, Россию, пессимизм, за восемь лет не научился итальянскому и живет среди народа, как глухонемой, живет через переводчика <...>

И все на высшей политике, и все поза и игра; и тут же десятков молодых полуписателей, эмигрантов, и внимающих — среди них печальный и милый И. Вольный, на лице коего застыла тоска и вопрос: почему пальма? И тут же гордый, надменный, остроумный и язвительный И. Бунин, который, по-видимому, теперь никак не может решить: был ли его юбилей ¹ всерьез или только для смеха.

Печальная жизнь! Но не жалость вызывает Горький, а возмущение глубокое. Но об этом еще расскажу. И уже трудно вспомнить того Горького, которого мы оба так любили...

Автограф. АГ.

Об А. А. Смирнове — см. Переписка, № 23, прим. 5.

Андреев был на Капри с 6 по 11 января 1913 г.

¹ 25-летний юбилей литературной деятельности Бунина отмечался в октябре 1912 г. На этот юбилей в литературной среде реагировали по-разному; некоторые литераторы не считали Бунина крупным писателем.

103. АНДРЕЕВ — И. С. ШМЕЛЕВУ

Ваммельсуу. 31 января 1913 г.

... На Капри я был пять дней, видел Горького, Бунина, Ивана Вольнова и еще десяток русских полуизгнанников, полуписателей. И ужасное впечатление они оставили! Молодежь, как очаровательный И. Вольный, еще наивно носят на лице выражение жестокой тоски и удивления: за каким чёртом мы сюда попали! — а отцы проделывают высшую школу верховой езды, держатся на высокой политике и утверждают свою невольную экзотику как некую единственную истинную жизнь. Коллекционируют монеты, мраморные обломки, революционные листки, поедают стопами газетную русскую и журнальную бумагу, живут в виллах, не имеют детей — и говорят, говорят!.. Горький за восемь лет не научился итальянскому языку: подумайте, что это значит! Но тут начинается область такой печали, что и говорить не хочется. Впрочем, сам Горький доволен...

Машинопись с припиской и подписью от руки. АГ.

104. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

⟨Ваммельсуу.⟩ 24 сентября 1913 г.

...Касательно протеста ¹: меня тревожила здесь возможность того массового психоза, при котором правых не разбирают, бьют гуртом и походя. И только в этом я видел опасность для театра. Другая же опасность, более серьезная, в том, что «политическая» сторона «Бесов» уж очень тщательно будет обойдена при постановке; и это может исказить вещь. Отнять от Ставрогина «Иван-царевича» есть не только ампутация — пусть бы ковылял на одной ноге! — а очень серьезная и опасная для жизни операция. Мне уже сейчас не нравится заглавие — «Н. Ставрогин» — *такой* вещи у Достоевского я не знаю.

И вот последнего я теперь боюсь, ибо протест, сочиненный Горьким, оказался не так страшен, как его малевали. Больше скажу: нельзя было написать более самоубийственной вещи, чем сделал это Горький, — и смех и слезы! Трудно представить, чтобы нашлись желающие следовать за таким наивным и беспомощным — в данном случае — человеком <...>

Ваш ответ Горькому хорош ². Мне жаль Горького, жаль и литературу, которую он в своем лице поставил в столь горькое положение. Противно, когда приходится рукоплескать Арцыбашеву ³, ставящему в угол М. Горького. Хотел я и сам писать, да теперь уж и не знаю.

Машинопись. Архив Музея МХАТа. Приписка: «Ваш ответ Горькому хорош...» написана Андреевым от руки, очевидно, после 26 сентября, то есть после прочтения в печати ответа Художественного театра.

¹ Речь идет об открытом письме Горького в редакцию «Русского слова» — «О карамазовщине» (напечатанном в № 219, 22 сентября 1913 г.). Оно было снабжено примечанием: «В письме, сопровождающем настоящее письмо в редакцию, сам автор так определяет свою задачу: „Я глубоко убежден, что проповедь со сцены болезненных идей Достоевского способна еще более расстроить и без того уже нездоровые нервы

общества". В открытом письме Горький называл Достоевского «злым гением» русской литературы и протестовал против готовившейся инсценировки «Бесов».

Для деятелей Художественного театра это не было неожиданностью. Будучи еще в Италии, в Римини, Горький в июле 1913 г. говорил артисту этого театра Л. М. Леонидову о нежелательности постановки «Бесов» («Летопись», II, стр. 368). Леонидов ознакомил с этим мнением Немировича-Данченко (сб. «Л. М. Леонидов», М., 1960, стр. 282). В конце августа Горький отказался отдать Художественному театру пьесу «Зыковы», уведомив Немировича-Данченко о своем желании выступить против готовящегося спектакля «Летопись», II, стр. 372).

Андреев совершенно разошелся с Горьким в этом вопросе, хотя и не выступил публично против его статей о Достоевском. По поводу выступления Горького дали интервью Арцыбашев, Куприн, Айхенвальд, Ф. Комиссаржевский и др., упрекнувшие Горького в том, что он «замахнулся» на «нашу святыню» — Достоевского. С резкими нападка на Горького выступили также Мережковский, Иванов-Разумник. Почти все центральные газеты откликнулись на это событие.

В газете «Новости сезона» (1913, № 2705, 24 сентября) появилась такая информация: «С аналогичным предложением о протесте друзья Горького обратились и к другу Горького — Леониду Андрееву, который, однако ж, не подошел к этому вопросу с узко партийной точки зрения, заевшей и талант Горького, и категорически отказался участвовать в протесте». О позиции Андреева — см. также редакционную заметку в «Утре России», 1913, № 221, 26 сентября.

² Немирович-Данченко еще до получения писем Андреева пытался убедить Горького во вреде его открытого выступления против постановки «Бесов». Он писал ему 8 сентября 1913 г.: «Однако я перебрал все, что могу предположить, и остаюсь при убеждении, что если бы вы знали, видели сами, что и как инсценируется из Достоевского, то ваше чувство протеста было бы крайне ослаблено. Я, разумеется, не прошу вас воздержаться от протеста, — это было бы нелепо. Но искренно сожалею, что такой большой вопрос (как я считаю, между мною и вами) придется решать заглазно. Сожалею потому, что не могу не прислушиваться с большим вниманием к вашим взглядам» (Архив Музея МХАТа).

В ответ на выступления Горького и высказывания в печати по этому поводу появилось следующее открытое письмо Художественного театра: «В разгар нашей трудной и радостной работы над постановкой второго романа Достоевского ваше выступление в печати нам особенно чувствительно.

Нас не то смущает, что ваше письмо может возбудить в обществе отношение к нашему театру как к учреждению, усыпляющему общественную совесть, — репертуар театра в целом за 15 лет вполне ответит на такое обвинение.

Но нам тяжело было узнать, что М. Горький в образах Достоевского не видит ничего, кроме садизма, истерии и эпилепсии, что весь интерес „Братьев Карамазовых“ исчерпывается в ваших глазах Федором Павловичем, а „Бесы“ — для вас не что иное, как пасквиль временно-политического характера и что великому богоскателью и величайшему художнику Достоевскому вы предъявляете обвинение в растлении общества. Наша обязанность, как корпорации художников, напомнить, что те самые „высшие запросы духа“, в которых вы видите лишь пустое „красноречие, отвлекающее от живого дела“, мы считаем основным назначением театра. Если бы вам удалось убедить нас в правоте вашего взгляда, то мы должны были бы отречься от искусства, как утратившего свою цель. В то же время мы должны были бы отречься от всего лучшего в русской литературе, отданного служению именно тем самым „вопросам духа“ («Русское слово», 1913, № 221, 26 сентября; подписано коллективом Московского Художественного театра 24 сентября).

Немногие тогда оценили политическую остроту выступления Горького.

На его защиту встала большевистская газета «Правда». В ней печатались отклики рабочих, публиковались статьи, показывающие, что на этом вопросе о Достоевском и достоевщине столкнулись два полярных мира — пролетарский и буржуазный. Так, 4 октября 1913 г. в газете «За правду» (одно из названий «Правды») старейший деятель партии М. С. Ольминский напечатал статью «Поход против М. Горького». С гневом и горечью большевистский журналист писал: «Интеллигенция готова удовлетвориться подачками и объединиться (если ее поманить пальцем) с реакцией против пролетариата — в этом основная причина как прощания Достоевского, его реакционности, так и озлобления против Горького».

В № 23 «За правду» 30 октября 1913 г. было помещено «Открытое письмо М. Горькому»: «Уважаемый товарищ! Мы, рабочие-учащиеся Л. В. К., обсудив ваше выступление против постановки „Бесов“ на сцене Художественного театра, искренно присоединяемся к вашему протесту. Под видом служения искусству позорно проповедовать мракобесие, позорно служить религии.

Пусть на вас льют помоями все, что утратил настоящую идейную почву, все испуганные приближением пробуждающейся демократии. Грязь, брызжащая от писаний литераторов из „Биржевки“, не запятнает пролетарского певца-поэта низов перед лицом пробуждающегося рабочего класса (...) Вместе со всеми истинными демократами мы протестуем против ничем не прикрытого цинизма всех этих лицемер-

ных крикунов, которые осмелились перед лицом всего русского общества из-за угла напасть на вас. Грязь, брошенная в вас, осталась не только на руках, бросивших ее, но и на их продажных душах и именах...» Подпись: Группа учащихся-рабочих.

То, что в споре о Достоевском столкнулись два лагеря, Андреев не понял, заняв в дискуссии антигорьковскую позицию.

³ Андреев имеет в виду «ответь» Арцыбашева Горькому в «Вечерних известиях», 1913, № 286, 24 сентября под названием: «М. П. Арцыбашев о выступлении Горького против Художественного театра. Беседа».

105. АНДРЕЕВ — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

〈Ваммельсуу.〉 14 октября 1913 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Вам передали правду: ваши статьи по поводу «Анатэмы»¹ не могли не вызвать во мне протеста крайней резкостью суждений. Но говорить сейчас об этом не стоит: вот бог даст увидимся в России или Италии, куда я зимой собираюсь, и тогда в устной беседе посчитаемся. Но одного я не могу оставить без немедленного опровержения, ибо касается это будущих наших отношений и при неверном толковании может повести к большой путанице.

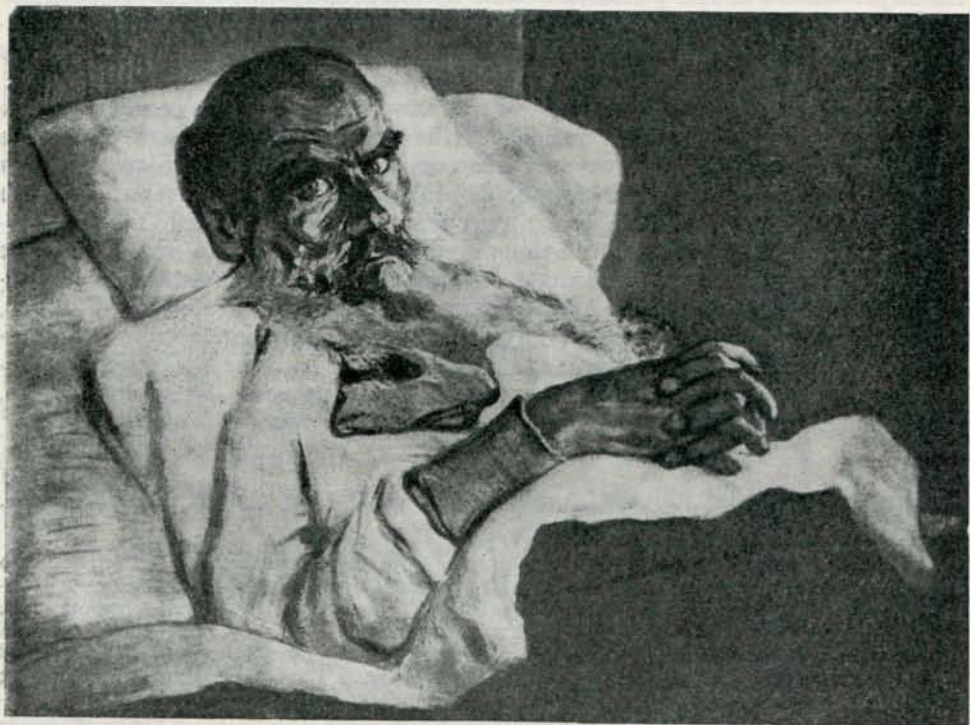
Правда, «Не убий»² — вещь характера реалистического, по крайней мере, внешней формой своей. Но ни поворота в сторону истинного реализма, ни отказа моего от прежних мистико-символических исканий она не знаменует. Просто для данного настроения моего (не личного) и данной мысли такая форма была единственно соответствующей; но в то же время есть у меня в замысле и даже пишутся вещи того же враждебного вам характера, как «Черные маски» или «Анатэма». Так оно, положим, и прежде бывало: я никогда не останавливался на одной форме, не делал ее для себя обязательной — и вообще никогда не связывал свободы своей формой или направлением. Вспомните, что в один год с «Анатемой» я напечатал «Сына Человеческого»³, рассказ, к моему удовольствию, понравившийся вам. В противоположность тому теперешнему категорическому утверждению *формы*, по которому она является первоначалом источником содержания, — для меня *форма* была и есть только граница содержания, им определяемая, из него естественно вытекает. Выражаясь грубо: сперва человек, а потом его брюки.

Может быть, это просто недостаток силы — но я никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма. А вернее: это показатель того, что я внутренне, по существу моему писательски-человеческому — я не реалист. Кто же я? Мистик? — Не знаю. А в конце концов я просто не понимаю и — простите — не принимаю этого деления, оно мне кажется смешным. Ибо таким же мистиком является на мой взгляд и Алексей Максимович, ныне считающий меня своим врагом, и таким же «мистиком» был реалистичнейший Л. Бёрне⁴ в ту минуту, когда, закрыв глаза, он воспевал радость — мистическую! — смерти на баррикаде. Знаю наших «христиан», теософов, эстетов, плоских акмеистов, философских негодяев, как Розанов, вульгарных пессимистов. Знаю: Брюсов и Ф. Сологуб — и все они глубоко враждебны мне, но не тем, что они «мистики» и «символисты» или «реалисты». Враждебны они тем, что не любят в жизни «любимое мною», любят то, чего я не выношу или не люблю. А мистик?.. что такое «мистик»?

Для всех серьезно мыслящих и живущих жизнь — мистерия, и весь вопрос — для меня, оговариваясь! — в том, на чьей стороне человек, а не в том, предпочитает ли он «символы» для выражения своих чувств или форму тургеневско-купринского романа. Пусть даже кубом выражается или излучением — только выражал бы он человека, а не свинью в ермолке!

И вот в этом отношении — позволю себе утверждать это — я никогда не был враждебен ни вам, ни Горькому, ни даже Луначарскому⁵, который налил мне на лоб клеймо раба. Тот же мистический Давид Лейзер⁶ есть только утверждение подвига, самоотвержения, протест против личного во имя общего, людского — так неужели одна *форма*, в которой я это говорю, может сделать нас врагами? Ведь даже и на войне дерутся не только потому, что *форма* не нравится у солдата: наша лучше!

Но бывает, что *форма* может вызвать ненависть и жажду борьбы с собой: это тот, к сожалению, нередкий случай, когда форма становится догматом, единственной дорожкой в рай. И когда символизм потребует

Л. Н. ТОЛСТОЙ. ПОРТРЕТ РАБОТЫ АНДРЕЕВА, 1912 г.

Местонахождение оригинала неизвестно.

Воспроизводится (по сохранившемуся негативу) с цветной фотографии, снятой Андреевым
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

от меня, чтобы я даже сморкался символически, я пошлю его к чёрту; и когда реализм будет требовать от меня, чтобы даже *сны мои* строились по рецепту купринских рассказов — я откажусь от реализма. И вот скажу вам откровенно, из уважения к вам, желая быть правдивым до конца: ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме, как и суть свободной жизни.

И может быть, в этом ошибка ваша, Горького и других, что в момент *переворужения* всех художественных и умственных сил вы во что бы то ни стало стремитесь сохранить старые ружья и добрый, старый, дымный порох, который когда-то был так хорош! И для экспедиции на дикарей, какими, к сожалению, являются еще многие из читателей, он действительно вполне пригоден, но сильные вооруженные верхи уже на каждом шагу

побивают вас! — И мне это горько, ибо воля у нас к свободе и революции одна! Вот я не могу без тоски думать о Горьком. Величайший романтик, крупнейший (и совсем не использованный) талант, первый, быть может, во всей литературе *рыцарь пролетариата* — он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещей сон о пролетариате мучительно распяливает на четырех правилах арифметики. Ведь в конце концов реально только то, чего я не люблю: Кассо ⁷, например, и другие рожи русской и иной действительности, а то, что я люблю и чего хочу — всегда нереально. Его нет — и только поэтому я его хочу. И вот «безумец, который мог бы навевать человечеству сон золотой» (по его же любимым словам), насилует жизнь своим романтическим псевдореализмом, насилует себя, — Дон-Жуан, собственной рукой охолоотивший себя, но не могший вытравить любви к женщине-романтике! И все это — для вящего торжества доброго, старого, дымного пороха!

Однако я забрался дальше, чем думал — об этом надо говорить, а не писать. Тороплюсь сделать выводы. Как видите, по существу, — ни я вам не враг, ни вы мне: и отсюда мое сотрудничество вполне возможно и естественно ⁸. Но как относительно формы? — Конечно, из двоякого рода вещей я могу давать вам то, что... ну, скажем просто: приятно вам по форме реалистической. Но ведь не может же правая моя рука не ведать, что творит левая, да и ваши руки также — как же нам быть с остатком и как-то будет ваше отношение к Андрееву второму? — Враздебное? — но это, вы сами понимаете, нелепость; дружеское? — но тогда вы должны признать, что реализм не обязателен. Но моей готовности работать для общего дела — верьте; и уж, конечно, не в гонораре дело. Буду очень рад, если вы ответите мне и рассеете мои сомнения... теоретик я плохой...

Автограф. ЦГАОР, РЗИА, ф. Амфитеатрова, № 5798, оп. 1, ед. хр. 88; «Реквием», стр. 259—263 (по копии, не полностью и неточно).

16 ноября 1913 г. Амфитеатров поделился с Горьким впечатлением от полученного письма Андреева: «В числе многого получил прелюбопытное письмо от Леонида Андреева, которым я очень доволен и очень озабочен. Доволен потому, что я не ожидал, чтобы он был такой искренний, экспансивный, широкой души и прямо-таки хороший насквозь малый, каким это письмо его рисует, а озадачило потому что — матиньки! Написал он мне целую теоретическую исповедь свою, а я не знаю, как ему отвечать: не что, а *как*, — потому что является он в ней первобыт-первобытом, и придется, значит, говорить с ним о таких азах и Америках, с которыми подступать к столь знаменитому писателю просто-таки неловко... Из мест, в которых он пишет о вас, видно, что он вас очень любит и с большим „надрывом“. Вообще, в письме у него в тысячу раз более страстная душа, чем в сочинениях. Очень интересуюсь однажды лично с ним познакомиться» (АГ).

Горький ответил Амфитеатрову: «Что касается до письма Леонидова, кое вас обрадовало, тут я скажу, что Андреев — человек прежде всего чрезвычайно талантливых и потому очень легко может написать „искреннее“ и „экспансивное“ письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонида, — да не запутается в противоречиях непримиримых оный биограф. Я и знаю Леонида, и очень люблю его талант, и весьма всегда дрожу за него при всяком его шаге, как за брата родного дрожу, уж поверьте! Но нет, не могу я сказать, что он „насквозь хороший малый“, ибо знаю, что он презирает людей, болезненно самолюбив, зол и хитер. И никого, никогда не любил, — не умел. Весьма заинтригован я его „теоретической исповедью“, интересно — куда его теперь влечет, по чью капусту? Большая это болячка души моей, Леонид. Хорошие у нас отношения были. Я знаю, что сейчас он живет трудно и одиноко» (письмо без даты. — АГ).

Амфитеатрова поколебали, но не до конца убедили слова Горького. Он ответил ему 25 ноября 1913 г.: «Очень было любопытно то, что вы мне писали о Леониде Андрееве: то-то вот и есть, что в письме его, действительно, звучит двойственность и неопределенность... Так что не знаешь, чему в нем, в конце концов, верить, чему — нет... А покада „Просвещение“ умоляет меня не включать в новый выходящий том сочинений статей, которые я писал об „Анатэме“ Леонида Андреева, потому что „он может очень обидеться, что отзовется на их отношениях“. Я поэтому решил снять все статьи, которые когда-либо писал о нем и отложить их до будущего времени... Заметьте, что это

уже второй раз я встречаюсь с такого рода цензурой. В первый раз было в „Прометее“, когда мы затевали сборники, и дело разошлось именно из-за того, что я решительно отказался от условия не писать ничего против Леонида Андреева. Все это ужасно двойственно и странно, как видите. И вот потому-то смущает. А письмо его, повторяю, прямо-таки прелестно» (АГ).

В статье «О цинизме» (1931) Горький цитирует отрывок из этого письма Андреева: «Мне кажется,— говорит там Горький,— что из этих слов можно сделать только один вывод: сегодня я говорю то же самое, что говорил всегда. Мой друг, а затем мой „враг“ Леонид Андреев в 1913 году в письме к А. В. Амфитеатрову назвал меня „рыцарем пролетариата“ — слова, конечно, слишком громкие и лестные, но они ведь сказаны только затем, чтобы сказать: „...он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вечный сон о пролетариате, распыливая на четырех правилах арифметики. Ведь в конце концов реально только то, чего я не люблю, а то, что люблю и чего хочу — всегда нереально“. Это напечатано в книге „Реквием“, изданной „Федерацией“, и это — очень грустная ошибка Андреева: ему, как и всем, не следовало пренебрегать четырьмя правилами арифметики, правила эти — основа науки. А „чудесный сон“ о свободе пролетариата, о силе творческой воли его,— „сон“ этот стал в Союзе Советов героической действительностью» (ХХV, 376).

Сборник „Реквием“, вышедший в 1930 г., о котором пишет Горький в этой статье, сохранился с его пометками в личной библиотеке писателя.

¹ Амфитеатров написал об «Анатэме» ряд статей («Одесские новости», 1909, № 7920, 7927, 20 и 29 сентября. См. также «Новости сезона» за этот же период и др.).

Вокруг «Анатэмы» был поднят большой шум. По одному только «Обозрению театров» можно проследить за основными оценками этой пьесы Андреева (см. № 921, 931, 944, 1, 11 и 25 декабря 1909 г.).

Своими впечатлениями от произведений Андреева Амфитеатров постоянно делился с Горьким. Так, в августе 1909 г., вскоре после появления пьесы Андреева, Амфитеатров писал Горькому: «Жую „Анатэму“, прочитанную нам недавно Павлом Самойловым (<...> Наглая вещь. Холодная и без малейшего уважения к публике, которую высококочалантильный плагиатор почитает безграмотною и беспамятною дурую. Очень может быть, что он и прав, но — сам-то автор, как всегда, невежествен, и зрелище получается довольно противное...» (АГ). В следующем письме от сентября 1909 г. Амфитеатров информирует Горького: «Андреев разобиделся на меня смертно и жалуется интервьюерам в тоне грустно-минорном, вроде — и ты, Брут! Пришлось написать фельетон, который ему, вероятно, весьма не понравится, хотя писал я его с самыми добрыми намерениями и чувствами. И вам пришлось все эти писания как только получу из Одессы» (там же). В письме от 25 октября 1909 г. он снова возвращается к той же теме: «С Андреевым опять приходится возиться из-за Читателя*, о коем вы писали мне. Очень неприятно. Леонид Николаевич в самом деле вообразил, что я против него что-нибудь лично имею, тогда как кроме искреннейшего уважения к его таланту иных чувств по его адресу никогда не питал. А если на месте, где может расти пшеница, вдруг поднимается чертополох, как не придти в горе?» (там же).

² Пьесу «Не убий» Андреев, по его словам, создал в две недели, «некоторые акты написал по два и даже по три раза» (из письма к Немировичу-Данченко от 9 сентября 1913 г. — Архив Музея МХАТа). Художественный театр заинтересовался пьесой, читал ее, но к постановке она не была им принята. В Александрийском театре пьеса была снята из-за подозрения, что героем ее выведен Распутин; шла в театре Незлобина в декабре 1913 г. Была также принята Рейнгардтом для «Немецкого театра» в Берлине.

³ «Сын Человеческий» напечатан в альманахе «Шиповник», кн. 9, 1909 (по существу своему антирелигиозный рассказ).

⁴ Людвиг Бёрне (1786—1837) — немецкий писатель, публицист и редактор, против мистических заблуждений которого неоднократно полемически выступал Генрих Гейне.

⁵ См. Переписка, № 157.

⁶ Давид Лейзер — главный герой пьесы Андреева «Анатэма».

⁷ Лев Аристович Кассо (1865—1914) — в 1910—1914 гг. министр народного просвещения; проводил крайне реакционную политику, уничтожая в высших учебных заведениях остатки «свобод», жестоко расправляясь со студентами.

⁸ После реорганизации «Современника» (см. Переписка, № 159, прим. 4) Амфитеатров стал мечтать о создании другого органа; туда, видимо, и приглашал он заранее Андрея.

* Статья «Так нельзя», за подписью «Читатель» («Одесские новости», 1909, № 7928, 30 сентября), была целиком посвящена защите творчества Андреева от критики Амфитеатрова. Автор ее писал: «Нельзя, ссылаясь на некоторые неудачи писателя (<...> игнорировать его цельную роль в русской литературе, роль художника-пробудителя, художника-миссионера...».

106. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

«Ваммельсуу.» 22 октября 1913 г.

... Собачий вальс¹ кончил, но... Странная это вещь, и стою я перед ней, разинув рот — а еще автор! Может быть, и очень хорошо, и есть это *новая драма*, как и «Екатерина Ивановна»², та самая новая драма, о которой сейчас пишу статью; а может меня драть надо батогами. Горький-то уж наверное выдерет, да и публика, пожалуй, опять обидится, но, конечно, вопрос не в этом <...> Кончил «Письмо о театре» и почти все оно о Художественном и о вас³. Вероятно, меня будут клясть, в частности огорчится Станиславский и обидится Бенуа, а я стал сердит и пусть на меня сердятся. *Ваши постановки Достоевского я считаю столь же важным для театра делом, как и постановку Чехова* — это новая вершина. Казбек после Ай-Петри.

Автограф. Архив Музея МХАТа.

¹ «Собачий вальс» — пьеса; напечатана в «Современных записках» (Париж), 1922, № 10, стр. 1—66 (в том же году вышла в США). Была поставлена Государственным показательным театром в Петрограде в 1920 г. с участием известного артиста И. Н. Певцова. Андреев начал работать над этой пьесой в 1913 г., создал несколько вариантов, закончил в конце 1916 г. Тема пьесы волновала автора, но долго не давалась ему.

Различные варианты пьесы Андреев посылал для чтения Немировичу-Данченко (Архив Музея МХАТа). В письме, сопровождавшем один из вариантов, Андреев признавался: «Ведь это моя *молитва*, это я сам, это я навсегда такой и не другой».

² Пьесу «Екатерина Ивановна» Андреев очень ценил. Он писал 12 апреля 1912 г. Немировичу-Данченко, готовившему ее постановку: «А пока — несколько слов о милейшей Катерине Ивановне. Она — наименее выдуманна мною. Как раз такую женщину я видел и знал довольно близко: с этими взмахами рук, с этой прической (которую вы угадали), с внешностью модернистской и несколько несурзадной...» (Архив Музея МХАТа). См. также Вера Юренева. Записки актрисы. М. — Л., «Искусство», 1946, стр. 149—150.

³ Первое письмо о театре Андреев поместил в журнале «Маски» (1912, № 3); датировано автором: «10 ноября 1912 г.». Второе письмо вместе с первым «с любезного разрешения автора» было опубликовано в альманахе «Шиповник» (1914, кн. 22, стр. 229—290; датировано автором 21 октября 1913 г.). Во втором письме Андреев писал: «Для меня, как я понимаю, новый театр будет исключительно театром *панпсихизма*. Что под этим подразумевается — я постараюсь вскрыть на примере Художественного театра, проследив под известным углом зрения его историю — его прошлое и его настоящее. Кстати же, благодаря письму Горького о постановках Достоевского и последующих объяснениях со стороны труппы и В. И. Немировича-Данченко, на этот театр снова обращено усиленное внимание <...> не лишенное, впрочем, ехидства» (стр. 247).

107. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

Ваммельсуу. 31 октября 1913 г.

... Статью вам посылаю¹: только прочтя ее, увидите и то, как *важен* для меня был последний ваш спектакль и как интересно свыше всякой меры то, что вы пишете о работе над Достоевским². Каждое слово ваше глотаю с наслаждением. Думаю, что рассеются при чтении и ваши опасения относительно имен: тут я очень мягок и не хочу «разделять», хотя вовсе и не хочу за постановку Мольера венчать Станиславского и Бенуа³. Если же есть резкости в характеристике некоторых постановок, то падают они, резкости эти, на театр вообще... и даже не на театр, а на драму. Вас отдельно я упоминаю, и не могу не делать этого, особенно теперь, когда письмо Горького именно вас поставило под обстрел⁴...

Автограф. Архив Музея МХАТа.

¹ Речь идет о статье Андреева, посвященной Художественному театру (см. о ней прим. 3 к письму № 106).

² Письмо Немировича-Данченко не найдено; возможно, что имеется в виду открытое выступление Художественного театра в печати в ответ Горькому (см. письмо № 104); инициатором его был Немирович-Данченко.

³ В 1913 г. Художественный театр поставил две пьесы Мольера: «Брак поневоле» и «Мнимый больной»; оба спектакля были поставлены и оформлены А. Н. Бенуа с помощью К. С. Станиславского. Говоря о своем нежелании «разделять», Андреев имел в виду не совсем однородные позиции Станиславского и Немировича в вопросе инсценировок произведений Достоевского, а также их различное отношение к драматургии Андреева. Немирович поощрительно относился к творчеству Андреева, тогда как Станиславский — более сдержанно, особенно после не поправившейся Андрееву постановки Станиславским пьесы «Жизнь человека» (см. об этом выше).

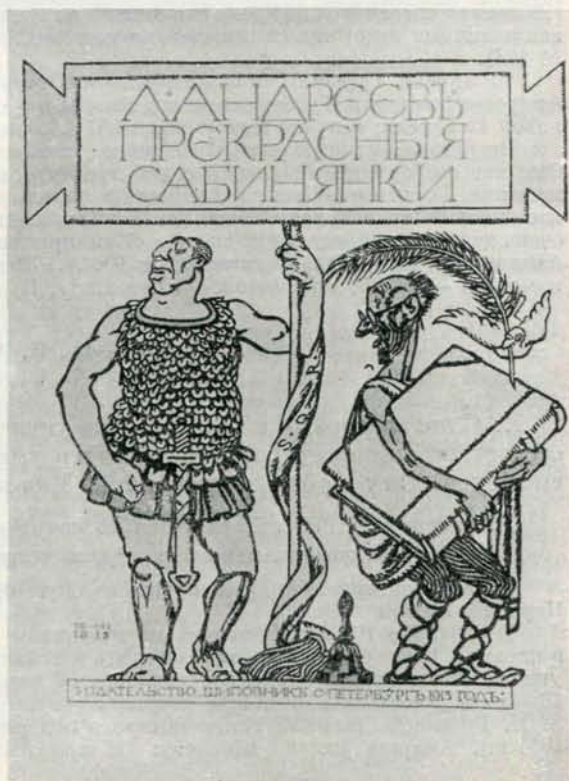
⁴ Постановку «Братьев Карамазовых» Достоевского осуществлял в театре Немирович-Данченко. Андреев намекает здесь на слова из второго письма Горького («Еще раз о „карамазовщине“». — «Русское слово», 1913, № 248): «Однако, когда в 1907 г. театр Суворина поставил на сцене „Бесов“, общество, в виде прогрессивной печати, протестовало против этой инсценировки, справедливо определив ее как прием политической борьбы. Почему же то, что во грех Суворину, — Немировичу-Данченко во спасение?...»

108. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Ваммельсуу.〉 17 ноября 1913 г.

... Но даже и при наличии этого курьезного требования внешней бодрости я не думаю, чтобы упреки и возражения против «Мысли» могли быть сильны, хоть мало-мальски значительны. Во-первых, — это трагедия: то есть протекает она в тех нагорьях жизни и мысли, где вопросы уже не рассматриваются под углом обывательского настроения, где мерки иные. где иные и слезы. Признать «Мысль» мрачной — это признать мрачным и негодным для сегодняшней сцены всего Ибсена, Гауптмана, Чехова — почти всю литературу — признать мрачной *всякую* драму или трагедию〈...〉 Что же останется?

Во-вторых, по самому существу своему «Мысль» отнюдь не есть тенденциозно-пессимистическая вещь: трагически погибающему Керженцеву, одинокому носителю голой индивидуальной мысли, весьма резко противо-

«ПРЕКРАСНЫЕ САБИНЯНКИ». САТИРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА АНДРЕЕВА, ИЗДАНИЕ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ РЕМИ (Н. В. РЕМИЗОВА) (СПб., 1913)

Обложка

поставляется *Маша*, выразительница твердых и бесспорных начал коллективной, почти мировой жизни — развенчанной мысли противопологается жизнестойкая, царственная интуиция...

До постановки «Мысли» появится моя статья о театре¹. Готов поручиться, что она вызовет *переоценку* моих пьес не только у критиков, но и у зрителей ваших. И, пожалуй, вызовет не только переоценку одних моих пьес, но и всего репертуара: во всяком случае поставит его под угол зрения психологичности, а не *оптимизма* горьковско-вересаевского. Очень возможно, что и вам и мне при этом здорово влетит (особенно мне, конечно), но язвить будут не за «мрачность» — о ней к тому времени позабудется — а за психизм, за претензии, за неудачный выбор пьесы², за то, что я настаивал, а сделать ничего не сумел. Ведь и критик и зритель давно блуждают в пустыне бездорожья: и какой столб с нарисованной рукой и пальцем им сейчас ни поставь, они всякому будут рады. Поставил Горький указующий перст: «держи к бодрости!!!!» — туда и держат; появится перст с «держи к психизму!» — туда и повернут...

Автограф. Архив Музея МХАТа.

¹ См. письма № 106 и 107.

² Речь идет о пьесе «Мысль», предназначенной Андреевым для Художественного театра (премьера состоялась 14 марта 1914 г.)

109. АНДРЕЕВ — А. А. КИПЕНУ

Рим. 6 марта 1914 г.

...Что знаете о Горьком? Из Москвы мне писали, что ни с кем не выдался¹.

ИРЛИ.

¹ Горький выехал из Италии через Берлин в Россию 27 декабря 1913 г. 31 декабря он приехал в Мустамияки. В январе 1914 г. Горький получил от Андреева письмо с приглашением поселиться на время его отъезда за границу в его доме, в Терюках. «Вообще наши личные недоразумения здесь не при чем...», — писал Андреев (см. Переписка, № 174).

10 апреля Горький присутствовал в Петербурге на представлении «Мысли» Андреева (гастроли Художественного театра) и о своем впечатлении писал Е. П. Пешковой 15 апреля: «Скучно и не умно...» (АГ. Личный архив Е. П. Пешковой).

Встреча обоих писателей произошла лишь в конце мая — начале июня 1914 г. Они много спорили о России, русской культуре, судьбах русского народа (см. воспоминания Горького «Леонид Андреев» в настоящ. томе). Горький жил чрезвычайно насыщенной жизнью все месяцы после возвращения на родину, много работал и был очень доволен, что ему «не мешают». «Как приятно не видеть <...> всех этих Танов, Андреевых, Сологубов», — говорил он Ю. А. Желябужскому (из письма последнего к матери — М. Ф. Андреевой. — «Летопись», II, стр. 455).

110. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 16 октября 1914 г.⟩

... С литераторами на ножах, возмущает их вялость, нерешительность. отсутствие широкого государственного ума. Многие ничего не понимают, смешивают эту войну с японской. Максимыч крайне возмутителен¹...

Машинопись. ИРЛИ. Датируется по почтовому штемпелю.

Андрей Николаевич Андреев находился тогда на фронте.

¹ Так расценивал Андреев пораженческую позицию, занятую Горьким во время Первой мировой войны.

В сентябре 1914 г., находясь на излечении от невралгии в клинике, Андреев в письме к Шмелеву попытался осмыслить и найти определение своей позиции. Как мы увидим ниже, она разительно отличалась от позиции, занятой Горьким. Приглашая Шмелева участвовать в новом журнале «Отечество. Иллюстрированная летопись» З. И. Гржебина (первый номер которого под редакцией Андреева вышел 2 ноября 1914 г.), Андреев писал Шмелеву: «Стало быть дело в программе и в вашем

отношении к ней. А программа такая: до времени оставив в стороне наши внутренние дела и борьбу с правительством, — сейчас всеми силами содействовать успеху на войне, содействовать осознанию происходящего и уяснить его истинный смысл. Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен свыше всякой меры. Это борьба демократии всего мира с деспотизмом и деспотией, представителем каковой является Германия. Если бы у нас наверху были умнее, они дрались бы с Вильгельмом против Франции и Англии; и наша реакционная пресса, обычно настроенная шовинистически и по всякому поводу готовая к войне, — и в этом разе уже начинает бить отбой, намекает о мире и прославлять Вильгельма. Они животом чувствуют, что разгром Германии будет разгромом всей европейской реакции и началом целого цикла европейских революций. Отсюда и то необыкновенное и многих смущающее явление, что антимилитаристы и пацифисты, Эрве и Кропоткин, стоят *за войну* до самого конца. Отсюда и я, автор „Красного смеха“ (как никак!) также стою за войну.

Конечно, ни для кого не тайна, что правительство под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает — готовится на всякий случай. И цензура жестоко режет, и вообще писать нелегко, — но мы, русские писатели, уже научились, слава богу, проскальзывать между пальцами; постараемся и теперь. Повторяю: прямо говорить о внутренних делах сейчас нет и надобности.

Есть у нас, писателей, и особой важности задачи: противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надо всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии; немецкий же стремится к вечному порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений.

Конечно, это всего только мое мнение; но не думаю, чтобы в оценке русского, которое вы так любите, мы особенно разошлись. И уж, конечно, вовсе не следует искать здесь „национализма“, который так же привезен к нам из Германии, как и военные поселения, враждебен свободному духу нашему. Свобода для всех, а тюремщиков к чёрту! (ЛБ).

111. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

⟨Петербург. 6 ноября 1914 г.⟩

... Днем либо валяюсь на постели, либо сижу в кресле, как Вольтер. Скучища ужасная <...> Горький и другие умные люди все молчат, гадают на старой гуще. За пьесу критики считают меня жуликом ¹.

Машинопись. ИРЛИ. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Андреев имеет в виду свою пьесу «Король, закон и свобода», изданную журналом «Отечество» в 1914 г.

Еще только задумав пьесу, Андреев раскрывал перед Нemiровичем-Данченко свой замысел: «Конечно, отнюдь не патристический моветон, а нечто вроде „драматической летописи войны“, немного в форме „Царя-Голода“, а главное в настроениях. Долго колебался, прежде чем решиться, но факт тот, что быть *иносказательным* как-то стыдно, а нет ни спокойствия, ни отвлечения для чисто художественной работы <...> Мне кажется, что, взяв Бельгию, я дам то необходимое расстояние, которое должно отделять сцену от зрителя...» (письмо от 27 августа 1914 г. — Архив Музея МХАТа).

2 сентября 1914 г. Андреев сообщал на фронт, брату Андрею Николаевичу: «Пишу пьесу из войны, место — Бельгия, герои — Метерлинк, король и Вандервельде; все только слегка замаскировано...». «Первый сбор с пьесы отдаю бельгийцам», — писал Андреев ему же 11 октября 1914 г. (ИРЛИ). Бельгию Андреев выбрал, вероятно, потому, что она первая приняла вероломный удар от нарушивших договор и границы немецких войск.

Писатель работал над этой драмой с глубочайшим волнением. В письме к Беловусову от 28 октября 1914 г. он сознается, что плакал, когда писал ее: «Интеллигенту и писателю ныне надо добровольно наложить на себя трезвость и воздержание, иначе будет стыдно перед мужиком» (ЦГАЛИ). «Поскольку моя пьеса лирична, — заявил Андреев в одном из интервью, — постольку для нее не было нужды ни в исторической перспективе, ни в долгом периоде вынашивания, как это, например, было безусловно необходимо для новой моей трагедии „Самсон в оковах“, с мыслью которой я жил целых три года» (Н. Кручинин. Леонид Андреев о своей пьесе. — «Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 14632, 25 января). Несколько позже Андреевым был написан по пьесе киносценарий, опубликованный в журнале «Экран и рампа», 1915, № 7, 8—12 февраля, стр. 15—16.

Пьеса не имела успеха ни у зрителей, ни у критиков. «Не те слова», — так озаглавил свою статью о пьесе В. Л. Львов-Рогачевский («Северный голос», 1915, № 4, 24 февраля, стр. 2).

112. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

<Ваммельсуу.> 31 декабря 1914 г.

... Видаюсь с Горьким, отношения наладились мирные и с его стороны даже с намеком на чувство; не знаю, искренен он или играет, но для мира принимаю всё за чистую монету. На днях приедет ко мне ночевать, потом вместе в Петроград, есть кое-какие совместные дела¹. С виду он здоров и спокоен...

«Русский современник», 1924, № 4, стр. 142.

¹ «Совместные дела» касались деятельности Горького и Андреева по борьбе с антисемитизмом. См. комментарий к следующему письму.

113. АНДРЕЕВ — А. А. КИПЕНУ

<Ваммельсуу.> 16 января 1915 г.

...Завтра еду в Петроград по делам, связанным с моей «Первой ступенью»¹: как ее развитие, возник у нас некоторый писательский кружок (Горький и Сологуб и я — во главе) с целью противодействия антисемитизму; составляем книгу, проводим устав Общества «для изучения еврейства», ибо хотим легализоваться, устраиваем коллоквиумы с именитыми писателями и общественными деятелями и пр. и проч. Дела много. Подробнее в письме не стоит, но любопытного много. С Максимычем я видаюсь, отношения приличные и по виду напоминают старые...

Машинопись. ИРЛИ.

¹ Речь идет об образованном в 1914 г. Горьким, Андреевым и Сологубом «Русском обществе для изучения жизни евреев» (см. о нем также — Переписка, № 175—179). Целью этого Общества была борьба с антисемитизмом, который особенно расцвел в первые годы войны. 15 декабря 1914 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Сегодня вернулся из Питера, где пробыл почти неделю. Кое-что затеял, но — увы! Из моих затей последнее время ничего не выходит. Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей очень чуждых мне: Андреева и Сологуба. Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, а? не веришь? Может быть даже и более того затеем...» (АГ).

Многие письма и анкеты сопровождались приглашением: «Леонид Андреев, Максим Горький, Федор Сологуб просят вас пожаловать завтра 23 с. м. (т. е. 23 февраля 1915 г. — А. Н.) в 8.30 вечера на доклад П. Н. Малянтовича „Русский вопрос о евреях“, который состоится у Ф. К. Сологуба (Разъезжая, д. 31)». Упоминаемая анкета вместе с письмом-обращением к русскому обществу была напечатана в «Биржевых ведомостях», 1915, № 14648, 3 февраля. А 1 марта многие крупные газеты опубликовали «Воззвание к русскому народу», подписанное крупнейшими писателями, общественными деятелями, учеными, художниками, артистами (около трехсот подписей).

12 декабря 1915 г. Горький выступил в «Русском обществе для изучения жизни евреев» с докладом о результатах проведения анкеты. Содержание доклада он опубликовал за своей подписью в «Летописи» («По поводу одной анкеты» — 1916, № 1, стр. 189—219). В 1915 г. Обществом был издан под редакцией Андреева, Горького и Сологуба литературный сборник «Щит». Андреев напечатал в нем «Первую ступень» и рассказ «Раненый», а Горький — статью без названия (начинавшуюся словами: «Время от времени — и все чаще! — обстоятельства понуждают русских писателей напоминать соотечественникам своим некоторые неоспоримые, избитые истины...») и рассказ «Мальчик».

В ЦГАОР, в фонде П. Н. Милюкова, сохранилась объяснительная записка секретаря Общества С. В. Познера, излагающая историю создания Общества (ф. 579, оп. 1, д. 2018).

Деятельность Горького и Андреева по борьбе с антисемитизмом не могла не привлечь внимания царской охраны.

В материалах 1-го отделения канцелярии финляндского генерал-губернатора от 28 марта 1915 г. имеется следующее донесение:

«Слешно. Секретно.

Г. выборгскому губернатору

По имеющимся в канцелярии сведениям группа писателей во главе с Леонидом Андреевым, Федором Тетерниковым (Сологуб) и Алексеем Пешковым (Максим Горький) ведет в настоящее время при посредстве печати борьбу с антисемитизмом, причем

названными лицами устраиваются собрания, на коих присутствуют от 50 до 60 лиц. Из числа вышеупомянутых лиц писатель Леонид Андреев проживает в Выборгской губернии, а Алексей Пешков недавно выбыл из Финляндии в Петроград...»

В конце донесения следует просьба к выборгскому губернатору организовать негласное наблюдение и начать расследование этих действий (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1).

Там же хранится также спешное секретное ответное сообщение выборгского губернатора на имя финляндского генерал-губернатора от 1(14) мая 1915 г.:

«Вследствие отношения от 28 марта — 10 апреля с. г. за № 1357, уведомляю канцелярию, что писатель Леонид Андреев проживает в Новокирском приходе дер. Вammelсуу и бывали у него писатели Федор Тетерников (Сологуб), Алексей Пешков (М. Горький) и много других гостей. В один из вечеров в январе месяце у Леонида Андреева было в гостях семь человек. Что говорилось и что делалось в доме, а также и то, состоялись ли у Андреева собрания по вопросу борьбы с антисемитизмом, выяснить не представилось возможным...» (там же, л. 2).

В донесениях Департамента полиции секретно сообщалось: «Начальник Петроградского охранного отделения запиской от 7 марта сего года за № 719 уведомил меня, что группой писателей, во главе коей: помощник присяжного поверенного Леонид Николаевич Андреев, 43 лет, „Федор Сологуб“ — отставной надворный советник Федор Кузьмич Тетерников, 52 лет, и М. Горький — нижегородский цеховой Алексей Максимович Пешков, 46 лет — ведется в настоящее время, при посредстве печати, работа по борьбе с антисемитизмом, причем лица эти устраивают собрания, на которых бывает до 50—60 человек. Ввиду того, что упоминаемые Андреев и Пешков (ныне живет в Петрограде) проживают в Финляндии, куда также наезжает и Тетерников, — означенный начальник охранного отделения просил проверить и уведомить его — не устраиваются ли у этих лиц в Финляндии многолюдные собрания, кто на таковые приезжает, не известна ли цель таковых и где останавливается Тетерников».

Далее следовало: «В результате этой проверки выяснилось, что писатель Леонид Андреев проживает на собственной даче в дер. Вammelсуу в 8 верстах от станции Райвола. В течение февраля и марта месяцев его посетило одновременно 6—7 неизвестных приезжих из Петрограда молодых людей в студенческой форме, возвращающихся обратно в тот же день в Петроград. Многолюдных собраний у Андреева за это время замечено не было. — Алексей Пешков („Максим Горький“) тоже проживает в настоящее время на своей даче в дер. Нейвола, Новокирского прихода, Выборгской губернии и довольно часто и на короткое время отлучается в Петроград; иногда посещает дачу писателя Леонида Андреева. — Многолюдных собраний на даче Горького за последние два месяца тоже замечено не было, но его посещают многие приезжие из Петрограда — по наружности и одежде студенты и курсистки. Горького посещает довольно редко писатель Федор Тетерников (Федор Сологуб) и в тот же день выезжает обратно в Петроград; в последнее время Тетерников не посещал Андреева» (От начальника Финляндского жандармского управления, 1 апреля 1915 г., № 2092, Гельсингфорс. — ЦГАОР, ф. 102, оп. 16, д. 245, т. II, 1915, л. 88).

114. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Петроград.〉 17 января 〈1915 г.〉

... Со мной был такой казус: я решил издать сборник, художественный, с предисловием, что так-то де и так-то: будем, как весталки, поддерживать неугасимо... и проч. Но когда оказалось, что суют обычную рядовую беллетристику, будничную селедку с луком и щи с котлетами, — я отказался от затеи. Ибо где тогда мое оправдание? Я могу отказаться от душевного участия в войне во имя храма, но не накрытого стола на десять персон с прошлогодним меню.

Не сердитесь: я друг, а не критик. И Карамазовых мне жалко. Я сейчас в довольно хороших отношениях с Горьким, а все-таки скажу, что горьковщине уступать не надо. Если искусство, так уж искусство. А если считаться с настроениями — то какая разница будет с теми, кои для настроения ставят «Реймский собор»? Только, что те погнулись в одну сторону, а вы в другую...¹

Автограф. Архив Музея МХАТа.

¹ Пьеса Григория Ге «Реймский собор» была поставлена в 1914 г. в Петербурге, в театре «Луна-парк». В ноябре 1915 г. труппа играла пьесу в Москве, в Никитинском театре. Пьеса представляла собою попытку героизировать националистические настроения буржуазии — в результате у автора получилась обывательская и пошлая апология квасного патриотизма.

115. АНДРЕЕВ — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

〈Ваммельсуу.〉 6 апреля 1915 г.

... Я снова расхожусь с Горьким, внутренне уже разошелся, не замедлит, вероятно, и внешнее. Началось дурное с возвращения Марии Федоровны из Харькова¹: какое ужасное влияние она оказывает! И каких нелепостей полна голова Горького, и как в то же время мало осталось искренности, прямоты и правды во всех его поступках и жизни. Когда-то я очень любил и уважал этого человека и думал эти чувства сохранить до конца — но невозможно!..²

ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ ВЕРЫ, ИСПОЛНЕННЫЙ АНДРЕЕВЫМ

Пастель, 1915 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Автограф. Архив Музея МХАТа.

¹ М. Ф. Андреева завершила в Харькове начатые переговоры о работе в киевском театре Соловцова.

² Андреев тогда же писал Белоусову: «С Горьким решительно расхожусь. Писать о причинах не стоит, длинно, при случае расскажу» (14 апреля 1915 г. Машинопись. — ИРЛИ). Разрыв с Горьким усилил чувство одиночества Андреева, о чем свидетельствует его письмо к Немировичу-Данченко от 1 июня 1915 г.: «Но воздух? — в нем носятся частицы отрицания Андреева: вдыхая, вы каждый раз вдыхаете „не“. Самые большие друзья мои, самые близкие люди не могут от этого уйти; я сам отравлен. Вы знаете мои тайные мысли? Выиграть двести тысяч и бросить литературу и театр, писать только для себя, держать в столе — или печататься под псевдонимом.

Временами я с большой серьезностью думаю, что я просто — не нужен. Моя воля к работе падает, на письменный стол я смотрю, как опытный пескарь на червяка: вкусно, но потом самого съедят. Не хочется воображать, думать, искать, творить. Живу я одиноко, как осина на бугре, и все ветры меня треплют <...> Так вот я и существую...» (Архив Музея МХАТа).

116. ЛЕОНИД АНДРЕЕВ О ФУТУРИСТАХ

(Футуристы и война. Горький и футуристы. Оценка Горького.
Приятие мира. У футуристов)

(Май 1915 г.)

... Я в начале относился к футуристам гораздо лучше и питал какие-то неясные надежды. Как и некоторые другие, я думал, что они подрастут и явят собой нечто серьезное. В этом смысле мои слова даже однажды были переданы в печать, что создало мне на время славу друга футуристов. Но время прошло, они все те же, и я с огорчением вижу, как оправдывается на них грубоватая русская поговорка: «маленькая собачка до веку щенок».

Моментом испытания для них, как и для очень многих, явилась как раз война. В этом всенародном деле должны были сказаться или их внутренние богатства, или бедность. Они же оказались не только бедными, но просто нищими. Если в мирное время их наивные скандальчики могли казаться забавными и несколько разряжали спертый воздух лицемерного мещанства, то теперь, когда от границ Петрограда уходит к горизонту страшное море крови, их выходки производят впечатление омерзительное. Как мусор, поднятый ветром итальянского футуризма, они способны только засорять глаза, но ничто творческое и действенное не доступно их мещанским самонадеянным душам.

Их девиз: эпатировать мещанина — есть ложь. Они живут и дышат только мещанином, служат только ему, и их мечты — это любовь мещанина, всегда щедрого для тех, кто умело его развлекает.

И мне странным кажется заявление Горького, что футуристы совершают важное дело (цитирую на память): «несут искусство к народу»¹. Это где же народ? на их выставках? или народ читает их сборник «Стрелец»?² или народ присутствует на поэзовечерах Игоря Северянина?

Другую их заслугой Горький признал то, что они — молоды. Но тут же, противореча себе, выразил желание, чтобы как можно скорее эта счастливая и прекрасная молодость прошла, и третьей заслугой признал он то, что футуристы «приемлют мир». Но для меня молодость — сама по себе, если же это — факт биологический, то это — тоже само по себе. Никаких моральных и общественных ценностей эти явления не заключают в себе. Как и скверные старики, которых не может украсить даже седина, есть и плохие молодые люди, которых не украшают ни их румянец, ни резвость их неосмысленных движений.

Важно, то, чем живет юноша, чему служит его молодая душа и чего ищет его жадный ум.

И известно, что как раз юноши и девушки создали славу арцыбашевскому «Санину», и в цвет мрачной реакции окрасили целое пятилетие, та же молодежь увлекалась пошлостью Вербицкой и, боюсь, что та же молодежь ныне присутствует на вечерах Игоря Северянина.

Что же касается «приятия мира», то, насколько мне известно, все великие творцы ценностей отвергали мир и в борьбе за мир идеальный медленно, но твердо совершенствовали человеческую жизнь. Неприемлющие мир, это — вечные герои человечества, на свои рамена поднимающие бремена неудобноносимые, гибнущие во имя жизни и блага других. И можно сказать с некоторой резкостью, что человек начинается там, где начинается неприятие мира.

Отсюда и «принятие мира» футуристов отнюдь не служит и не может служить им в похвалу, а скорее низводит их на очень низкую ступень жизни, где едва ли они и сами захотят поместиться. Впрочем, сами они, стуча в медные тазы, уверяют, что и они «мира не приемлют», но это такая же ложь, как и то, что они борются с мешанином. Ибо есть и навсегда останется разница между дебошем и бунтом, которому служил неистовый и также жестоко Горьким осужденный Федор Достоевский.

И было бы настоятельною задачею всех, кто действительно любит литературу и читает ее, резко отграничиться от этих, так называемых «футуристов».

«Биржевые ведомости», веч. вып., 1915, № 14824, 4 мая; интервью за подписью С. Ф. То же самое интервью под тем же заглавием было напечатано в следующем, утреннем выпуске газеты (№ 14825, 5 мая).

¹ Пытаясь сформулировать свою позицию по отношению к футуристам, Андреев одновременно противопоставляет ее горьковской. Имеется в виду статья Горького «О футуризме», напечатанная в «Журнале журналов», 1915, № 1, апрель, стр. 4. Горький писал: «Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский <...> Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда, очень уродливо, но это — простить можно. Они молоды <...> Их породила сама жизнь, наши современные условия. Они не выкидыши, они вовремя рожденные ребята.

Я только недавно увидел их впервые живыми, настоящими, и, знаете, футуристы не так уж страшны, какими выдают себя и как разрисовывает их критика <...> Как бы смешны и крикливы ни были наши футуристы, но им нужно широко раскрывать двери, широко, ибо это молодые голоса, зовущие к молодой новой жизни <...> И вот теперь молодежь, я думаю, я хочу верить, — призвана в мир, чтобы освежить стусившуюся полубольную атмосферу жизни. Ей надо сбросить много хлама, много лишнего и оздоровить свои не совсем здоровые души, и тогда, набравши сил, они выплывут над поверхностью суесть и суматохи...»

² Три сборника «Стрелец» вышли в Петрограде в 1915, 1916 и 1922 гг. В них участвовали футуристы и символисты: В. Каменский, Д. Бурлюк, В. Маяковский, А. Блок. Ф. Сологуб и др.

117. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

«Ваммельсуу.» 7 декабря 1915 г.

... Провел у меня вечер и ночевал Максимыч. Как тебе сказать — по виду он совсем любит меня, как встарь, держится прекрасно, очаровал даже Анну¹. Трудно это понять, и я чистосердечно не понимаю. Но и самому хочется относиться хорошо, что я и выполняю с изумленным выражением лица. Конечно, он большая фигура...

«Русский современник», 1924, № 4, стр. 145.

¹ Анна Ильинична Андреева — вторая жена Андреева.

118. АНДРЕЕВ — Н. И. НОРДАНСКОМУ

«Ваммельсуу.» 29 декабря 1915 г.

... А каково может быть мое влияние в «Современном мире»¹, где и сейчас Ашешов² пишет против меня? Где литературным отделом ведает Т.³, мой идейный и общественный и литературный противник? Кто мои союзники у вас? Ведь дальше остаются К. с его горьковщиной, В. и социал-демократы, для которых я навсегда остаюсь и останусь инородным телом, соринкой в глазу⁴.

<...> Не сердитесь на меня, голубчик. Рассудив, вы согласитесь со мной, что ни М. Горький и никто иной из писателей не пошел бы работать в журнале на таких условиях, какие фактически предлагаются мне. Будем

работать каждый на своем месте, в тех условиях, какие для нас привычны, и таким образом мы вернее послужим нашему общему делу, нежели невольно мешая друг другу...

«Реквием», стр. 137—141.

¹ «Современный мир» — литературно-художественный, научный и политический журнал либерального направления; выходил с 1906 г. вместо закрытого «Мира божьего»; редактором его был социал-демократ Н. И. Иорданский, издательницей — М. К. Куприна-Иорданская.

² Речь идет о статье Ашешова «Литература, молчание и барабаны» («Современный мир», 1915, № 12; за подписью: Ал. Ожигов), являвшейся ответом на призыв Андреева воспеть войну — «Пусть не молчат поэты» («Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 15155, 18 октября).

³ Т. — очевидно, Д. Л. Тальников, неоднократно выступавший в журнале с литературными обзорами, задевавшими Андреева.

⁴ К. — возможно, Куприн, которого в эти годы противопоставляли Андрееву; В. — вероятно, Вересаев, печатавшийся в «Современном мире».

Свое нежелание участвовать в работе «Современного мира» Андреев предал гласности, опубликовав 12 февраля 1917 г. в «Русской воле» (№ 42) заметку под названием: «К моему отказу от сотрудничества в „Современном мире“». Из этой заметки ясно, что разногласия носили политический характер, поводом же для них послужила «Русская воля», которую Андреев и Иорданский оценивали диаметрально противоположно. После категорического требования Андреева снять его имя из списка ближайших участников журнала, Иорданский опубликовал заметку, в которой сообщал, что Андреев «ушел из рядов демократической литературы», тем самым тенденциозно осветив вопрос о положении Андреева в журнале (Н. Иорданский. Политические заметки. — «Современный мир», 1917, № 1).

119. АНДРЕЕВ — Ф. К. СОЛОГУБУ

⟨Петроград.⟩ 12 января 1916 г.

На меня это заседание произвело крайне тяжелое и скверное впечатление <...> В большую вину ставилось вам участие в «Лукоморье»¹, находили, что несовместно быть членом Комитета в Обществе, защищающем евреев², и в то же время работать в «суворинском» органе <...>

Мое предложение каким-нибудь путем привлечь вас в члены Комитета (расширением устава и дополнительными выборами, либо как-нибудь иначе) было отвергнуто большинством четырех против одного моего голоса (Горький, Семевский³, Калмыкова⁴ и Коробка⁵). Вместо этого, как вы уже знаете, было решено сделать попытку привлечь вас в члены Общества и комиссий <...>

А в частности по поводу «Лукоморья» не мешало бы Анастасии Николаевне⁶ поставить вопрос о Горьком, который ставится в «суворинском» театре — или для него это совместимо?⁷

Машинопись за подписью. ИРЛИ.

¹ «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал повиннистического характера, издававшийся наследниками А. С. Суворина в 1914—1916 гг.

² Комитет «Русского общества для изучения жизни евреев». О конфликте, связанном с выходом Сологуба и его жены — А. Н. Чеботаревской из Комитета, — см. письмо Сологуба в редакцию «Биржевых ведомостей», 1916, № 15505, 18 апреля.

³ Василий Иванович Семевский (1848—1916) — историк, представитель народного направления. В 1906 г. входил в народно-социалистическую партию. В № 1 «Летописи» 1917 г. Горький напечатал статью «Памяти В. И. Семевского».

⁴ Александра Михайловна Калмыкова (1849—1926) — владелица книжного магазина в Петербурге, служившего долгие годы явочной квартирой для социал-демократов. Калмыкова оказывала партии большие услуги. В частности организовала финансирование большевистской «Искры». В партийных кругах известна была под кличкой «Тетка». Вела переписку с Лениным. В 1902 г. за политическую деятельность была отдана под надзор полиции. После Октябрьской революции работала в органах народного просвещения.

⁵ Николай Иванович Коробка (1872—1920) — историк литературы, автор многих статей об Андрееве.

⁶ А. Н. Чеботаревская.

⁷ В Суворинском театре пьесы Горького не ставились. Возможно, что в газетах в те дни промелькнула заметка о подготовке пьесы Горького, но это не соответствовало действительности. Лишь в 1917 г. отколовшаяся от театра часть труппы поставила в Петрограде пьесу «На дне».

120. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

〈Петроград.〉 7 марта 1916 г.

... Вчерашний день почти весь провел на квартире проф. Кареева ¹ в качестве свидетеля по делу Сологуба и Познера ² (за каковым стоит Горький). Боже мой, что это было, чуть до мордобоя дело не дошло! Сологубы и Горький обменялись оскорбительными резкостями. Настя ³ истерически кричала, кричали судьи и говорили разом, Кареев вел себя старым важным ослом и не давал говорить, я протестовал, он протестовал, все протесовали. Струве ⁴ хотел уйти, русско-богатенские были откровенно несправедливы к Сологубу. Мне было очень жаль Сологуба. Со мной лично, к моему особому удивлению, Горький был чуть ли не нежен — <...>, а я дурак и каждый раз верю...

Автограф. ИРЛИ.

¹ Николай Иванович Кареев (1850—1931) — профессор, историк и публицист; в 1905 г. был членом ЦК кадетской партии и членом I Государственной думы от Петербурга; активно содействовал работе Комитета борьбы с антисемитизмом.

² Речь шла о сб. «Щит», в который Сологуб привлек как автора Бердяева. Прочитав статью Бердяева и признав ее антисемитской, Горький потребовал от секретаря редакции сборника, С. В. Познера, — снять статью, что тот и сделал. На этой почве между Сологубом и Познером разыгрался конфликт. 5 марта 1916 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Завтра, свидетельствуя на третейском суде по делу Сологуба с Познером, — дело, в котором скрытым обвиняемым являюсь я, а обвинителями Андреев и Сологубчик» (АГ).

³ А. Н. Чеботаревская.

⁴ Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — в 1890-е гг. видный представитель «легального марксизма». В 1902—1905 гг. окончательно порвал с марксизмом и перешел в партию кадетов, где возглавлял самое правое ее крыло. Редактировал журнал «Русская мысль». После Октябрьской революции — эмигрант (издавал в Париже православно-монархическую газету «Возрождение» и др.).

121. АНДРЕЕВ — А. Н. АНДРЕЕВУ

〈Ваммельсуу.〉 19 июля 1916 г.

... Разве мало глупого делается в России. От этого-то я и страдаю, что слишком много глупого, несправедливого и дурного. Ах, если бы каждый был на своем месте и получал по справедливости. Одна история с Горьким и «Летописью» ¹ может довести до бешенства, до иступления. Кстати, посылаю тебе последнюю книжку «Современного мира», там хорошие статьи Плеханова ² и других, здорово достается пораженцам. Но подумай: сами германские социал-демократы в своей радикальной части утверждают на основании точнейших данных, что нападающей стороной является именно Германия, а наши <...> Максимычи и Чхе-Чхе ³ до сих пор это отрицают...

Автограф. ИРЛИ.

¹ О Горьком и «Летописи» — см. выше в разделе «Из статей Андреева».

² В «Современном мире», 1916, № 5-6 была напечатана статья Плеханова: «Интернационализм и защита отечества. (I. Долг социалиста и II Интернационал. Где же противоречия? К годовщине смерти Ж. Жореса)», перевод с французского непроизнесенной речи Плеханова, опубликованной во французской печати. В этой статье автор доказывал необходимость голосовать за военные кредиты в интересах якобы «международного пролетариата». «Если верно, — говорилось там, — что победа Германии страшно затруднит освободительную борьбу русского пролетариата, то само собой разуме-

ется, что мы должны отвергнуть как неразумную, — скажу больше: как *безумную*, — всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятельскому нашествию...» (стр. 65).

Коммунистическая партия дала верную оценку подобным выступлениям Плеханова. В. И. Ленин писал в статье «По стопам „Русской воли“»: «Г-н Плеханов опустился, — совершенно так же, как и немецкие Плехановы, Шейдеманны и К^о, — до уровня самого вульгарного, самого дожинного буржуазного шовиниста, не желающего знать (или никогда не знавшего) о том, что война есть продолжение политики, что война и политика связаны с интересами определенных классов, что надо разоблачать, какие классы и из-за чего воюют...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 216; датировано 13 апреля 1917 г.).

³ Имеются в виду Николай Семенович Чхеидзе (1864—1926) — депутат III и IV Государственных дум от Тифлисской губ., лидер думских меньшевиков, и Ананий Иванович Ченкели (р. 1874) — адвокат, член IV Государственной думы, в годы войны — соратник Чхеидзе по думской «семерке», сотрудник «Современного мира».

122. АНДРЕЕВ—В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

⟨Ваммельсуу.⟩ 25 августа 1916 г.

...Нужно, правда, сказать, что и критика ее (пьесе «Младость»¹) весьма одобрила, что с моими вещами бывает редко; даже противная горьковская «Летопись» прогнусавила похвалу ее бодрости...²

Автограф. Архив Музея МХАта.

¹ Пьеса «Младость», напечатанная в сб. «Клич» (1914—1915), написана по мотивам раннего рассказа Андреева «Весной»; о нем говорит Горький в своих воспоминаниях об Андрееве. Как рассказ, так и пьеса — автобиографичны.

Предполагаемое название пьесы было «На заре туманной юности». Андреев писал Немировичу-Данченко, что в ней есть и драма и смерть, но общий смысл радостно-печальный: вечно бегущий поток жизни, старость и младость, любовь и любовь (письмо из Рима от 1 апреля 1914 г.). В письме к нему же от 11 апреля Андреев подчеркивал, что название пьесы не «Молодость», а именно «Младость» с эпитафией: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть» (Архив Музея МХАта).

² Заметка Мих. Левидова о «Младости» была помещена в «Летописи» (1916, № 4, стр. 334). «Идея пьесы, — писал Левилов, — утверждение, радостное приятие жизни, исходящее от „Младости“, соприкоснувшейся со смертью. Идея эта неожиданная для Андреева последнего периода; будем надеяться, что она не оставит писателя и впредь и найдет в дальнейшем более художественные формы выявления, нежели во „Младости“».

123. АНДРЕЕВ — А. А. БЛОКУ

⟨Петроград.⟩ 6 октября 1916 г.

...Что я вас люблю и что я нелицемерен — вы знаете, и скорее меньше знаете, чем сколько можно было бы знать. Девять лет назад, ставши редактором сборников «Знание», я написал вам приглашительное, в сотрудники, письмо, но оно не было послано: Горький восстал против участия вашего и Сологуба, и кончилось тем, что я сложил с себя звание редактора сборников¹. Теперь я самостоятельный редактор литературного отдела в газете «Народная воля»² (ее зовут банковской, германофильской, министерской — и все это ложь), и вот, через десять лет, повторяю мое непосланное письмо и прошу вас о сотрудничестве³. Жаль, что нет возможности поговорить с вами и рассказать все мои планы. Вероятно, в них много наивности, и журнальная практика в скором времени обкарнает меня; но пока хочу я многого и многого ищу. Вас, писателя мне дорогого, я прошу давать все, что вы захотите, если не захотите, — то ничего: ведь дело не в официальном сотрудничестве и не в этой поганой выставке имен, а в постоянной со-работе, нужно душевное желание быть и идти вместе. Мои отделы, куда вход только через меня, — беллетристика, критика и театр. И проснется у вас желание что-нибудь сказать свое, о чем только думается, дать статью (как это называется) — хорошо; а нет — стихи, и во всяком случае стихи.

Я горько чувствую, что крикливый газетный лист не место для поэзии, но есть у меня надежда побороть установившийся обычай и сделать так, чтобы не особенно плохо было ни поэту, ни строгому художнику <...> Не знаю, как вам, но мне ненавистна эта манера воскресных газетных «стишков», — как сладкое на третье; и, конечно, это мелочь и не в этом мои планы, но и тут хочется проявить больше уважения к литературе. Кстати, и вся моя программа в этом: уважение к литературе...

«Реквием», стр. 87—88.

¹ Об отказе Андреева редактировать сборники «Знания» — см. Переписка, № 151.

² «Народная воля», так же как «Заря», — первоначально предполагавшиеся названия «Русской воли» (см. раздел «Горький об Андрееве», прим. к письму № 114).

³ С болью и горечью воспринял Андреев отказ Блока сотрудничать в «Русской воле». Причины отказа известны, о них рассказал сам Блок в воспоминаниях об Андрееве: «Мне все уши прожужжали о том, что это — газета протопоповская, и я отказался. Леонид Николаевич очень обиделся, прислал обиженное письмо...» (Александр Блок. Собр. соч., т. VI. М.—Л., Гослитиздат, 1962, стр. 165). В ответном письме Блок подчеркнул: «... пройдя назначенный путь разочарований, боли и гнева, вы уйдете из газеты...» (А. Блок. Собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1963, стр. 475).

Предсказание Блока скоро оправдалось: с первых же месяцев работы в газете, у Андреева начались нелады с ее «руководителями», он увидел «изнанку» газетной жизни и ужаснулся.

Андреев всегда восхищался Блоком-поэтом. «Он только для Блока делал исключение и знал его некоторые стихи наизусть», — вспоминал Чулков («Книга о Л. Андрееве», стр. 71). Это подтверждает в своих воспоминаниях и Чуковский: «Леонид Андреев был почитателем Блока и любил его поэзию до слез. Как-то в Ваммельсуу я пошел с Андреевым на лыжах, и он неподалеку от станции Райвола рухнул в снег и не встал, а когда я попробовал помочь ему встать, оттолкнул мою руку и произнес со слезами:

И матрос, на борт не принятый,
Идет шатаясь сквозь буран.
Все потеряно, все вышито!
Довольно — больше не могу... *

И назвал эти строки гениальнейшими. Блок знал о пылкой любви Леонида Андреева» (К. И. Чуковский. Александр Блок. — В его кн.: Люди и книги. 2-е изд. М., 1960, стр. 535—536. — См. также статью В. И. Беззубова «Александр Блок и Леонид Андреев». — «Блоковский сборник» (Тартуский гос. ун-т). Тарту, 1964, стр. 226—320).

* Из стихотворения А. Блока «Поздней осенью из гавани...». — А. Н.